

Андрей Малышев

Капитан Зари

избранное

Андрей Валентинович Малышев

Капитан Зари (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17097347
Капитан Зари (сборник): Издать книгу;

Аннотация

Автор, посвятивший себя служению стране, всей душой болеет за Россию, за русский север, свою малую Родину. В книге отражены разные темы: борьба за жизнь, честь, долг, поиск истины и справедливости, человеколюбие и любовь к Богу. Но и сопротивление насилию, коррупции, повсеместному обману. Деревни и малые города умирают, народ спивается от безнадёжности. За что сражались павшие герои великой войны – солдаты и моряки, простые милиционеры, так же отдающие свои жизни людям и павшие при исполнении служебных обязанностей.

Широкомасштабное произведение, охватывающее массу судеб замечательных героев, посвятивших себя служению Родине и народу, тружеников, мастеров своего дела, готовым отдать себя целиком за лучшую жизнь для всех, для блага людей, невзирая ни на что, не требующих платы или возмещения, истинных патриотов и настоящих людей. Книга заставляет задуматься и оглядеться вокруг: как много замечательных и удивительных личностей нас окружает. Они жертвуют собой, не требуя ничего взамен. Это та основа, на которой держится твердь родной земли. Как часто мы не замечаем, привыкаем, считаем нормой то, что кто-то рядом искренне и открыто или со спокойной уверенностью в необходимости самопожертвования поддерживает совершенно чужих людей. Это их потребность – жить для других, находить удовлетворение во внутреннем равновесии, поддерживать тот уровень любви, следовать тем заповедям Христа, о которых все знают, но слишком часто не задумываются. Вдуматься, осознать, прийти к глубинному пониманию и сделать шаг к тому, чтобы страна, мир, человечество пошли по пути мира, любви, благоденствия. Книга является своего рода двигателем, движителем, толкателем того внутреннего состояния души, который столь необходим нам всем.

Содержание

Андрей Валентинович Малышев	6
Книга первая	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	15
Глава пятая	16
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	20
Часть вторая	22
Часть третья	37
Книга вторая	45
Бессмертный экипаж	46
Пассат	57
Барс	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Малышев Капитан Зари (сборник)

Россия, Русь – люблю тебя, люблю!

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарю Вас за книгу, в которой Вам достоверно удалось изобразить настоящие примеры мужества и самопожертвования во имя светлых понятий, значимость которых в настоящее время часто несправедливо смазывается и осмеивается.

Также как и Вам, мне видится, что в периоды потрясений, когда нашу страну лихорадит, всегда появляются и будут появляться люди, готовые на подвиг.

Вашу книгу я передал для ознакомления в наш редакторский отдел.

Позвольте от всего сердца пожелать Вам благополучия, здоровья и удачи!

С уважением, Генеральный директор Киноконцерна «Мосфильм», кинорежиссёр К. Г. Шахназаров

Уважаемый Андрей Валентинович!

Когда я читал Вашу книгу, я о многом задумывался, содрогался и плакал. Успеха Вам в творчестве и здоровья!

С уважением, ветеран УФСИН, майор Н. Н. Мельничук

Уважаемый Андрей Валентинович!

Благодарим Вас за понесённый труд – повесть «Истина лейтенанта Соколова»: ярко изложенное художественное произведение.

Желаем Вам помощи Божией и всяческих благ!

Храни Вас Господь!

С уважением, Московская Патриархия

Уважаемый Андрей Валентинович!

Я внимательно прочёл Вашу повесть «Бессмертный экипаж» и мне она понравилась. Хочу отметить, что Вы делаете очень большое и благородное дело, стремясь раскрывать подробности малоизвестных страниц Великой Отечественной войны, рассказывать о тех её героях, подвиги которых ещё по достоинству недооценены.

Подвиг экипажа «КВ», совершённый в самые первые дни войны у деревни Дайняй, по-настоящему геройский, и все участники этого уникального боя заслуживают самых высоких боевых наград.

Мы обратим внимание ответственных лиц Министерства обороны на те данные, которые изложены в Вашей повести. В свете приближающегося 70-летия Великой Победы такую работу следовало бы провести. От души желаю Вам крепкого здоровья, добра, благополучия и творческих успехов!

*Председатель Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,
руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной*

Думе Федерального Собрания Российской Федерации

С. М. Миронов

Андрей Валентинович Малышев

1963

Андрей Валентинович Малышев родился 27 августа 1963 года в городе Грязовец Вологодской области. Гражданская специальность – агроном. Отслужил срочную службу в армии в звании гвардии сержанта, затем служба в органах МВД СССР и России. Прошел свой трудовой путь от сержанта до майора милиции, имел награды по линии МВД и МЧС РФ, при спасении людей и обезвреживании опасных преступников имел боевые ранения.

Увлекался прозой и лирикой, сочинением авторских песен. Лауреат фестивалей народного творчества и МВД СССР. Первую прозу публиковал еще в детстве в региональных СМИ. Ветеран МВД России и Труда. В настоящее время в отставке, занимается авторской прозой и трудами на даче-усадьбе с огромным садом.

«Подвиг во имя любви – наивысшая координата Божия!»

Книга первая Капитан Зари Народный роман-откровение о судьбах России

Всем праведным посвящается

Часть первая Судьбы

Глава первая Йешуа

Над рекой Времени вечным божественным пламенем полыхала светоносная алая Заря. Бесшумно неся в себе мириады света, играя яркими лучиками и брызгами разноцветных огней, река словно бы проистекала из ниоткуда и уходила в никуда.

На каждом из берегов этой пресветлой реки стояли два высших ангела, исполняющих волю Божию, и с любовью созерцающих во времени и пространстве дела Отца всех.

Внезапно один из ангелов улыбнулся и посмотрел на зеркально поблёскивающую воду Времени, потому что увидел Его.

Он смотрел на белоснежные облака с цветущей сияющей радугой, и его губы беззвучно шевелились вместе с молитвой, рекой проистекающей внутри Его самого и возносящейся до самого Неба.

Улыбнувшись в самом себе, Он вернулся в существующую реальность, услышав когда его позвали по имени.

– Йешуа!

Радуюсь, Он посмотрел на подходящих к нему Андрея и Иоанна.

– Мир вам, дети Божии!

Увидев множество народа, Йешуа взошёл на гору. Да, действительно, братья-иудеи зовут Его Йешуа, кто-то из греков назовёт его затем Иисус, а арабы – Иса.

Многие в народе называли его Мессией и Сыном Отца, что звучало красиво на их языке: бар – сын, авва – отец.

Впрочем, сейчас это было неважно.

Кротко улыбнувшись собравшимся людям и подошедшим ученикам своим, и посмотрев ещё раз на народ, Он увидел множество глаз, пытливо и с любопытством смотрящих на Него. Ещё раз улыбнувшись людям и наполняясь музыкой божественной гармонии и любви, Он учил их на арамейском, и глас Его медовыми колокольчиками звенел в произносимой Им Нагорной проповеди.

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

– Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

– Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

– Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

– Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

– Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

– Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

– Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

– Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

– Вы – соль земли.

– Вы – свет мира...

Долго ещё гремел от земли до самого неба голос Йешуа, просветляющий людей истинной Богом.

Закончив проповедь, Он кротко улыбнулся людям и сошёл с горы в окружении своих учеников и множества народа.

Над рекой Времени произошло какое-то волнение, она заискрила искрами вырывающегося из неё огня.

Ангел Господень посмотрел на зеркальную гладь реки и нахмурился.

Над ним в свете Зари плакало Небо.

Казалось, на какое-то мгновение Он потерял сознание, которое затем вернулось в резкой нестерпимой боли, окутавшей не только изувеченное тело, но и Его сознание.

Невыносимо болели пробитые старыми ржавыми гвоздями руки и ноги. Боль от тернового венца на голове постоянно напоминала о себе. От врезавшихся в голову шипов и колючек на лицо стекали горячие капли крови, которые, соединяясь с кровью всех Его ран, орошали землю у креста, на котором Он был распят. Он смотрел на множество зевак и любопытствующих, собравшихся на этот бесплатный спектакль.

Некоторых из них Он узнавал, как бывших на Его проповедях в тех местах, где Он учил народ. Именно они кричали Ему славословия «Осанна, аллилуйя!»

Сердце учащённо билось, когда проходящие злословили Его и смеялись.

– Разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси себя самого, если ты сын божий, сойди с креста.

Йешуа, плача в самом себе, молился за врагов своих, ведь не ведают, что творят! Если даже про храм ничего не смогли уяснить себе, хоть всегда и объяснял Он, что истинный Храм божий внутри каждого человека есть! И от человека зависит, что будет в нём самом, будет ли он жилищем Бога святого или нет.

От тягостных мыслей Его оторвали подошедшие первосвященники с книжниками, старейшинами и фарисеями, которые, насмехаясь, говорили: – Других спасал, а себя самого не может спасти, если он Царь Израилев, пусть теперь сойдёт с креста, и уверуем в него, уповал на Бога, пусть теперь избавит его, если он угоден ему. Ибо он сказал: «Я божий сын».

Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его.

Он смотрел на народ и не хотел узнавать его: тот ли это народ, который учил Он истинным Отца своего?! Как быстро все отреклись от Него и предали, подобно Иуде, обменяв Его жизнь у Пилата на разбойника Варавву.

Йешуа грустно улыбнулся, вспоминая судилище у Пилата. Да, народ выбрал Варавву, имя которого также переводилось с иудейского как «сын отца». Но, видимо, отцы у них были разные, потому что Варавва был закоренелым лиходеем и преступником. Но не осуждал Йешуа свой народ, не осуждал. Молча, про себя, Он кротко молился за всех врагов и обидчиков своих.

Он знал сам в себе, что произойдёт далее.

Знал, что когда остановится его разбитое и разорванное сердце от немилосердия и несправедливости осудивших Его, и когда копьё легионера Лонгина, дарящего «удар милосердия» вонзится в его правый бок, поражая уже остановившееся давно сердце, Он изойдёт из тела и исполнит то, что было уготовано Ему Отцом.

Да, будет пресветлое воскресение Его из мёртвых, и ученики Его понесут благую весть по всей Земле, но будет и ещё кое-что, то, что произойдёт до Его победоносного пришествия и восстановления истины Бога на Земле.

И это кое-что было связано с деревней Приречная, что затерялась на необъятных просторах Вологодской области бескрайней страны Россия.

Есть такая страна на Земле, о которой говорил Ему Андрей, ученик-апостол.

И ещё знал Он от Отца своего, что надлежит ему спасти ребёнка, избранного как Сосуд божий для дел самого Бога всевышнего, и ребёнка этого попущено как погубить, так и спасти. Кто именно этот ребёнок будет, неведомо ни Ему, ни духу зла, стремящемуся дитя погубить.

Известно только, что будет Он у них на виду, хотя бы однажды.

Такой вот расклад получался.

Глава вторая Андрей

Ох и красива Сухона-река, принарядившаяся в багрянец солнечного заката!

Северная красавица неторопливо несла свои чистые незамутнённые воды по широко раскинувшейся Вологодской области необъятной матушки-России.

На изгибе поворота голубой ленты реки белой чайкой показался пассажирский теплоход «Заря» – скоростное глиссирующее речное судно с водомётным двигателем. Ласковые волны от пролетевшей «Зари», белопенными барашками игриво соприкасаясь с дышащими нектарным разнотравьем заливными лугами, обнимали и целовали, как самое дорогое, прибрежную траву, тихонько, чуть слышно отвечающую на ласки играющих солнечной радугой волн. Как-то внезапно опечалилось небо, запасмурнело и, сменяя друг друга как часовые на посту, над рекой зашлись кривые полосы дождя.

Впрочем, недолго плакала природа, и над посвежевшей Сухоней восстала и расцвела во всей своей красе просиявшая всеми цветами разноцветная радуга-дуга.

Ничего не скажешь, интересная работа у участкового уполномоченного инспектора Марьинского РОВД лейтенанта милиции Андрея Вячеславовича Светлова!

Это и с гражданами постоянное общение, ведь по должности-то он и пожарный, и гаишник, и постовой, и спасатель на своём участке! Всех заботушек не перечислить!

Хотя на дворе и стояли беспокойные двухтысячные, работёнки действительно хватало. Правда, была у Андрея и гражданская профессия: столяр-плотник, но так получилось, что своим призванием он избрал служение народу в органах российской милиции.

Вот и сейчас лейтенант Светлов, не торопясь, шёл по вверенному ему административному участку в райцентре небольшого города Марьинск, что на самом севере Вологодской области. Тридцатилетний кареглазый моложавый и подтянутый лейтенант шёл, радостно щурясь на солнце, которое буквально заглядывало в его светло-карие глаза. Внезапно Светлов увидел, что из окон второго этажа большой деревянной двухэтажки валил густыми клубами дым.

Пожар!

Рванув манипулятор радиостанции, лейтенант сообщил в дежурную часть о возгорании и, попросив срочно вызвать пожарную охрану, наш офицер вбежал в подъезд старого дома. Барабания во все двери, где-то будя людей, он выводил и спасал народ из охваченного пламенем дома. Из квартиры, в которой – участковый доподлинно знал, что там проживал старый инвалид-колясочник, доносились какие-то звуки и возня. Светлов, не мешкая ни секунды, ногой выбил двери квартиры старика и, зайдя внутрь жилого помещения, на руках вынес старого ветерана.

Форменная рубашка лейтенанта была вся в копоти и дырках от разгорающегося огромного костра. Откашлявшись от едкого и вонючего дыма, который, казалось, проник даже в лёгкие, Светлов с тревогой осмотрел погорельцев: – Все вышли?

– Да, лейтенант, – отозвался ветеран Великой Отечественной войны дед Матвей, тот самый, которого Андрей вынес на руках, – кажись все вышли, ещё б немного... Спасибо, тебе, Андрей, спас ты нас сегодня...

– Ай, брось, дед Матвей, пустое, – отмахнулся от него участковый, – служба у меня такая...

– Хорошо служишь, сынок, – уважительно посмотрел на него ветеран войны и труда, – спасибо тебе.

Где-то вдалеке послышались автомобильные сирены, и буквально через считанные минуты во двор въехали три пожарных машины, «Скорая помощь» и газовая служба.

Проехавшая рядом с ним тяжёлая спецмашина раздавила своими колёсами чёрную женскую сумочку, закатывая её в грязь. Совместно с прибывшим караулом огнеборцев наш лейтенант вступил в борьбу с пожаром, которая, надо сказать, увенчалась успехом: дом удалось отстоять, и в дальнейшем он подлежал восстановлению. Конечно, наш лейтенант не ждал после этого случая никаких победных фанфар и реляций в свою честь, но то, что случилось позже, удивило даже его.

На утреннем инструктаже нарядов, собранных на охрану общественного порядка, начальник штаба РОВД подполковник Гербарий Иванович Подёнкин, строго отчитал его, лейтенанта Светлова, за то, что он нарушил должностные инструкции и неправильно действовал на пожаре! Глядя на высокого сухощавого подполковника, участковый не верил своим ушам. Оказывается, по мнению начальника, он должен был стоять в стороне и охранять общественный порядок и имущество людей на пожаре! А то, видишь, у одной бабули сумочка пропала, сыщи её теперь, попробуй! И то верно, суматоха тогда была такая, что огого! Люди из окон вещи выбрасывали по разные стороны дома, и захотел бы – не углядел! А так получается, что надо было стоять руки в брюки, охранять правопорядок и смотреть такими ясными глазами, как люди в огне гибнут, до приезда пожарных!

Нет, ничего не сказал Андрей этому начальнику, потому что знал, что не поймёт он его. Впрочем, и не надо.

Хотя, грех было жаловаться на судьбу участковому Светлову: дом с приусадебным участком есть, молодая красавица жена Шура тоже радовала его – что ещё надо для счастья человеку?! Правда, не было ещё детей у лейтенанта, но это, как говорится, со временем, да и жена смеялась, что, мол, будешь капитаном или майором, поговорим и о детях. Не обижался на неё Светлов и отшучивался, что у неё детей – как звёздочки – заслужить надо. Хотя, чудная, не за майора и выходила...

Под самый Новый Год приключилась и у него на участке заваруха: не вернулся с лыжни и пропал десятилетний мальчик Петя Иванов. Ну, пока отдел по тревоге поднимали, то да сё, не выдержал наш лейтенант, плюнул в очередной раз на должностные приказы и инструкции, что называется, «лыжи наострил», и по раннему вечеру в лес и ушёл, парнишку, значит, разыскивать.

А морозец уже стоял хороший.

Сбился с ног наш лейтенант, ну нет парня, как сквозь землю провалился! Сел уставший лейтенант на снег, пригорюнился.

Слова молитвы пришли внезапно...

Чистые и прозрачные, звенящие в своей простоте, они лились, исторгаемые из самого сердца лейтенанта, из всей его уставшей и ищущей правды души.

Раскалённые слёзы капали прямо в снег.

Одновременно с этим снизошло на Светлова какое-то тихое и спокойное умиротворение и радость. Встав на ноги, участковый продолжил свой поиск. Надо же было такому случиться, и как он этого раньше не замечал: на лыжне, проходящей через глухой лес, он заметил сломанные лыжи. Пройдя ещё немного, нашёл на снегу замерзающего мальчика.

– Петя, Иванов! – тряс мальчугана наш герой. – Очнись, парень!

С трудом открывая глаза, мальчик увидел офицера милиции в зимней форме и как-то виновато улыбнулся.

– Нашли... а я вот лыжи сломал, да и ногу подвернул...

– Не бойся, малец, вынесу я тебя, – улыбнулся участковый и, сняв с себя форменный зимний бушлат, одел в него мальчугана.

После чего, взяв на руки ребёнка, с трудом стал выходить из леса, ища дорогу по темноте домой.

Быстро темнело.

Жаль, правда, что фонарика нет.

Одно хорошо, что нашёл пацана вовремя он, потому что было так холодно, как это обычно и бывает в эти зимние дни. Вынося дитя на руках, лейтенант даже вспотел. Завидев поблизости с лыжнёй старую охотничью избушку, участковый зашёл в неё, держа ребёнка на руках.

Посмотрев на мальчика, лейтенант довольно улыбнулся: спит, бродяга, поди, упетался, устал от переживаний своих... Мысленно похвалив охотников, лейтенант растопил небольшую печку-буржуйку, находившуюся в домике. Жаль, что уйдя на поиск, лейтенант забыл дома свою мини-радиостанцию, хотя и не взяла бы она из этого места. Приняв решение переждать ночь в избушке, Светлов, прижав к себе ребёнка и согревая его своим телом, как-то незаметно для себя уснул сном праведника.

Снились нашему герою облака.

Как идёт он по ним, обдуваемый со всех сторон животворящим ветром дыхания божия, по направлению к сверкающему белым золотом небесному Городу-Храму, где встречает его сам Христос.

То, что это был Христос, Светлов по какой-то неизвестной ему причине знал сразу и наверняка.

От Спасителя веяло величайшей кротостью и милосердием любви. Он повёл его, показав красоты не только небесного Иерусалима, но и рая. Что было дальше, Светлов не помнил, словно бы его память с того момента была кем-то или чем-то заблокирована.

Проснувшись с чувством радостного умиротворения и благодати, наш лейтенант разбудил мальчонку: – Вставай, малец, пора в дорогу!

Открыв глаза, Петя Иванов уверенно встал на ноги и благодарно посмотрел на участкового: – Ничего и не болит, за ночь всё прошло.

– Вот и чудно, – улыбнулся офицер милиции и посмотрел на утренний белый снег, припорошивший всё вокруг, – пойдём, Пётр, домой, заждались тебя уже.

Выйдя из избушки, они опешили: к ним, не торопясь, подходили четыре волка, скалясь в своих беспощадных улыбках.

Мальчик Петя не выдержал и испуганно заплакал.

– Не бойся, Петя, я с тобой, – закрыл его своим телом участковый и пожалел, что не взял в отделе пистолет, торопился очень.

К Светлову подошёл вожак стаи и посмотрел ему прямо в глаза.

Андрей неожиданно для себя кротко и как-то с любовью посмотрел на матёрого волка и протянул ему руку: – Не бойся, серый, никто тебя не обидит.

Внезапно, подойдя к Светлову ещё ближе, волк доверчиво, как большой мохнатый щенок, лёг у его ног и умиротворённо закрыл глаза. Волчий голодный блеск потух в его глазах.

Ласково поглаживая матёрого волка по голове, Андрей сказал ему с любовью: – А теперь мы пойдём, серый, домой нам пора... Ты тоже беги по своим делам...

Словно бы послушавшись Светлова, вожак стаи вскочил и, взглянув на лейтенанта преданным собачьим взглядом, махнув хвостом, побежал в сторону леса, уводя за собой всю свою стаю.

– Ну, вот видишь, всё как хорошо, – ободряюще посмотрел на Петю Светлов, – пойдём домой, заждались нас уже.

Да, вернувшись в город и не встретив даже признаков поисково-спасательной операции, отведя мальчика домой, впоследствии немало услышал Светлов в свой адрес гневных эпитетов и выражений.

– Ну ты и дурак, – сердито выговаривала ему жена, – я же беспокоилась за тебя, а если бы что случилось?!

– Наказать тебя надо! – кипел от злости начальник РОВД, грозно смотря на лейтенанта. – Из-за тебя отдел по тревоге подняли: где наш герой, а нет его!

Ничего не отвечал на это Светлов, а только виновато улыбался в ответ, да и что скажешь людям, не желающим понимать тебя!

По весне опять-таки досталось лейтенанту! Ничто, ну абсолютно ничто не предвещало никакой беды.

Участковый Светлов как обычно заступил на праздничное дежурство по охране правопорядка 9 Мая. Как всегда, патрулируя по своему участку, видя проходящего мимо него ветерана, лейтенант привычно отдавал воинское приветствие герою войны и труда. Так бы и прошла смена лейтенанта Светлова, тихо и незаметно, но на свою беду уже под вечер услышал наш участковый какой-то шум в городском парке.

Пройдя туда, Светлов увидел крайне неприглядную картину: трое подвыпивших юнцов лет так двадцати издевались над ветераном войны. Сорвав с его парадного офицерского кителя боевые ордена и медали, молодые подонки, смеясь, заставляли ветерана вскидывать руку в фашистском приветствии.

– Отдайте, отдайте награды, – плакал ветеран в свой праздник, – я за вас когда-то кровь свою проливал!

– За нас не надо! – смеялись пьяные негодяи. – Хочешь свои побрякушки обратно, кричи, деда, «хайль» и руку вскидывай!

В глазах у Светлова помутнело.

Не помня себя, он подскочил к старшему из подонков и вlepил ему от всей души звонкую пощёчину: – Не смей! Не смей, гадьё, над ветераном войны издеваться!

Каким-то образом в руках у милиционера блеснул воронёной сталью табельный пистолет.

– Ну, мрази! – холодно и презрительно скомандовал лейтенант. – На колени перед фронтовиком и просить прощения у него, живо!

Смотря на пляшущий в руках милиционера «Макаров», шпана нехотя встала на колени.

Заводила, размазывая пьяные слёзы по щекам, запричитал: – Извини нас, деда, больше не будем!

Светлов с сочувствием посмотрел на ветерана: – Заявление писать будете?

– Нет, нет, – как-то испуганно и одновременно благодарно посмотрел на него фронтовик, – чего уж теперь... жаль дураков, молодые, посадят ещё, не дай бог! Как они не понимают... А тебе спасибо, лейтенант, выручил ты меня.

– Не за что, – посмотрел на него Светлов, – это вам спасибо, за Победу и за жизнь, которую вы дали нам!

Короче, на этом и разошлись.

И думал наш лейтенант, что всё хорошо и пушисто.

Да вот нет.

Оказался главный заводила-подонок сынком главы местной администрации и написал такую жалобу-филюгу на лейтенанта, что мало не покажется!

В итоге стоял наш лейтенант на суде офицерской чести и бледнел, когда разносили в пух и прах его начальники и коллеги по службе.

– Вот, – зло шипел на него начальник РОВД, – благодари бога, что не просит сын уважаемых родителей привлечь тебя к уголовной ответственности за побои, а лишь ставит вопрос о невозможности твоего дальнейшего прохождения службы в органах МВД! Ты должен у него прощение просить да в ногах валяться!

– Не буду! – отчеканил Светлов, холодно посмотрев на полковника. – Я считаю, что честь свою офицерскую я не измарал!

– Это ты так считаешь! – нехорошо посмотрел на него начальник. – А представь, парню каково?! Переживает, лечится, поправляет нервы и здоровье!

Зал довольно ухмыльнулся, зная, что папаша отправил своего недоросля-сынка отдыхать на тропические острова.

Знал это и Светлов, поэтому невольно улыбнулся.

– Смотрите, а он улыбается на наши замечания! – вскипел начальник штаба, подполковник Подёнкин. – Считаю, товарищи, что суду всё ясно! Вношу предложение об увольнении из органов МВД лейтенанта Светлова! Ставлю вопрос на голосование.

Короче, проголосовали все почти единогласно, а кто пытался в защиту Андрея высказаться, господа полковники тем рты быстро позакрывали.

Хуже всего, что бросила его после всех этих передраг его Шурка.

Ушла к новомодному хлыщу из «новых русских» – предпринимателей. Видимо, давно имела этот вариант у себя в голове. Ну и ушла же твяря оказалась!

Перед тем как уйти, подошла к Светлову и поцеловала его в щёку: мол, извини, дорогой, не я, жизнь такая!

На что горько сказал ей участковый: – И меня, значит, через целование предаёшь?

Ничего не ответила ему любимая и навсегда ушла из жизни Светлова, словно бы вычеркнув его раз и навсегда из своей жизни.

Впрочем, простил свою бывшую возлюбленную Светлов и даже молился за неё, как-то незаметно для себя прийдя к вере.

В поисках истины и смысла жизни прибился он поначалу к местной Марьинской церкви и монастырю, но затем, не найдя себя там, ушёл на длительное богомолье по святым местам Руси. Много ещё таких мест в Расее!

И как-то незаметно для себя июль 2015 года и встретил наш Андрей в своей родной деревне Приречной, что на самом севере Вологодской области.

Правда, звали его уже Андрей-юродивый.

Глава третья

Вячеслав

Родился Вячеслав Иванович Меленков, как он сам шутил, ещё во времена Царя Гороха.

Первую мировую он, естественно, не застал, а вот в Великой Отечественной ему пришлось повоевать с первого дня войны до последнего.

Славно потрудились фронтовики Меленков, освобождая землю от фашистской заразы. Об этом говорили четыре нашивки за ранения на его парадно-выходном пиджаке, три медали «За отвагу», три ордена Славы и три Красной Звезды. Была даже рапортичка-ходотайство на Меленкова от его командования за совершённый подвиг на присвоение ему звания Героя Советского Союза. Да видно то ли потерялась она где-то, то ли какой большой и важный

начальник не подписал бумагу, делов-то! Воевал наш Вячеслав Иванович не за медали и ордена, а за Родину.

В семейной жизни у ветерана тоже всё было в полном порядке: жена Алёна, двое сыновей, трое дочерей, множество внучат и правнуков окружали его в праздничные дни. Он вспоминал, как познакомился со своей Алёнушкой. На память приходили их встречи под луной у реки, когда серебристая дорожка света от ночного светила бежала по волнистой глади реки. Их первый поцелуй на сеновале: губы Алёны пьянили мёдом счастья и неги и неожиданной, и непознанной пока ещё любви. Их первую брачную ночь, когда они сбежали от гостей на свадьбе и познали друг друга, как мужчина познаёт женщину, а женщина мужчину. Любил Вячеслав Иванович свою супруженицу и детей, которых она подарила ему, равно как его Алёнушка любила его и не представляла свою жизнь без него.

И жил наш Вячеслав Иванович в своей родной деревне Приречная, что в Марьинском районе Вологодской области. Много раз предлагали фронтовику-герою переселиться по выбору либо в райцентр, либо даже в саму Вологду, но всё отказывался наш ветеран. Приречная не просто какая-то деревня, а Родина его, хоть и называют её малой. Малая или большая, как тут рассудишь, Родину не поделишь на части и с собой не унесёшь. Одна она, её не продашь и не сдашь в аренду по частям, потому что земля она родная, кровью потомков политая – Россия, Родина, значит, если яснее и короче говоря. Верно же сказано, что Россия без деревни, что птица без оперения. Правда, за последние десятилетия пришла в полный упадок его родная Приречная, и там, где раньше кипела жизнь, совсем не стало ничего, тишина и мерзость запустения. Даже начальной школы не стало, где он учительствовал когда-то много-много лет – оптимизаторы, мать их об колено! А что поделывать, на дворе стоял «великий и ужасный» июль 2015 года, и телевизор постоянно трубил об успехах и свершениях новой чудо-экономики.

Реформы, блин, однако.

Глава четвёртая Валентин

Был Валентин Петрович Новоторов самым что ни на есть всамаделишним судебным приставом. Если быть более точным, то его должность звучала как: судебный пристав-исполнитель Федеральной службы судебных приставов по Вологодской области.

Работа Валентина Петровича состояла в том числе и в исполнении исполнительных действий того или иного характера, а впрочем, была не особо трудной и хлопотной. Хотя, конечно, как и в любом ведомстве волокиты хватало и здесь.

Считал себя Новоторов вполне успешным и в меру обеспеченным мужчиной. Ранее служил он в десантных войсках и прошёл, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы. Что и говорить, бывал и в различных горячих точках и успел даже дослужиться до звания майора, а это, сами понимаете, чего-нибудь да стоит. Даже имел боевую медаль, одну, правда, зато «За отвагу», ведь не штабист же. Те же из тыловиков, кто не бывал на боевых, все сплошь в орденах и медалях ходили, вот так!

Имел к выходу в отставку наш гвардии майор и прекрасную дружную семью, красавицу жену Настёну, да трёх красотулечек дочек. Поэтому считал себя Валентин Петрович не обиженным ни богом, ни судьбой. И когда подвернулась, в принципе, неплохая работёнка у них в местном отделе ФССП, охотно согласился вчерашний гвардии майор на такую вот работу. При этом успевал Новоторов и по дому, и по саду-огороду хозяйничать, благо бог здоровьем не обидел. Да и работёнка у него была, в основном, городская, выездов куда-либо далеко, как правило, не бывало.

Правда вот сейчас собирался наш судебный пристав-исполнитель Новоторов на исполнение исполнительных действий, и не куда-нибудь, а в дальнюю деревушку Приречная, что находилась на окраине их Марьинского района. До неё, почитай, вёрст немеряно, да и те лесные. Вот и пришлось Новоторову топтать на речной вокзал, ждать «Зарю» и, как говорится, вперёд!

Дело не обещало быть сложным, просто одного приреченского мужичка окрутил лиходей-сосед и, поверив ему, взял несчастный бедолага кредит для него, правда, на своё имя, а тот не будь дурак, и с крупной заёмной суммой подался в бега. Ну а банк, что банк, тот дело туго знает, подал на нашего мужичка в суд. Процесс, естественно, банк выиграл, и вот теперь едет он, Новоторов, к тому бедолаге-мужичку имущество у него описывать да арестовывать по решению суда.

Вот такие кренделя, братцы.

С судом и банком дела плохи, с ними не забалуешь.

Глава пятая Анатолий

Стукнуло Анатолию Ивановичу Святогорову на июль 2015 года сорок годков.

Симпатичный, молодежавый ещё мужчина, невысокого роста, с тёмными волосами и карими глазами и какой-то по-детски застенчивой улыбкой, светившейся на его загорелом лице. И работал он там, где и мечтал – на реке!

Был Святогоров потомственный речник, родом с деревни Приречная, что в Марьинском районе Вологодской области на самом берегу матушки Сухоны-реки стоит. Дом Анатолию достался ещё от родителей: хороший дом, справный и крепкий. А родителей у Анатолия Ивановича уже и не было на этом свете, померли давно.

Отучившись в школе, поступил в своё время наш герой в речное училище, где овладел профессиями моториста-рулевого, а затем и капитана речного судна. Отслужив срочную в пехоте, подался Святогоров в речной флот Вологодчины, так как не мыслил себя без реки. С личной жизнью не сложилось у нашего героя. Была у него девушка Катя, но как-то не получилось у них, не склеилось. Вот и куковал холостяком наш «речной волк». А что, реку он знал, как свои пять пальцев. Поэтому и поручали ему разные ответственные дела. На каких только речных судах ни ходил наш герой! От тяжёлых и неповоротливых речных тягачей до пассажирских теплоходов «Заря», «Метеор», «Комета» – скоростных глиссирующих речных судов с водомётным двигателем.

Особенно ему нравилась «Заря».

Какие радостные чувства он испытывал, ведя по сверкающей речной глади скоростную белоснежную красавицу «Зарю»! С нежностью относился он к своей «Зорьке», как он ласково её называл. Женским утренним именем «Зорька», хотя многие из речников и смеялись, мол, так бурёнок кличут. Но не обижался на шутки и приколы своих коллег наш речник.

А так всё шло как всегда. И вроде бы не на что было жаловаться Анатолию Ивановичу. Правда, вот, беспокоила его одна «проблемка».

«Проблемка» та заключалась в том, что в своё время поверил наш герой своему земляку-приреченцу Фролке Акиндинову, попросившему у него помощи, что, мол, в городе у него жёнка больная, а с ней болящие детки малые. И требуются им всем деньги на лечение, причём, немереные, потому что курс лечения надо было проходить за рубежом – сейчас любые болячки посложней в России не лечат! Все за бугор едут, а там, как и в России, в глазах у врачей кассовый аппарат поблёскивает, и все требуют доллары, доллары, доллары!

Любил речник Святогоров детей, любил, да и людям верил, потому как заверил его Фрол, что все денежки вернёт, до последней копейки. И хоть бог ему своих детей, равно

как и преданной и верной жены не дал, пошёл ради земляка наш Анатолий Иванович в банк, дом заложил, всё имущество и хозяйство, и взял большущий кредит на своё имя для земляка.

Дети – дело святое!

И передал Акиндинову все эти деньжищи. А тот не будь дурак и усвистал куда-то! Ищи его, свищи – Россия большая! Долг же тот непомерный на нашем герое повис, как дамоклов меч.

Вот тебе и верь людям!

Надеялся Святогоров, что как и обещал ему земляк Акиндинов, будет тот отдавать деньги, да куда там!

Полиция проверку провела и оказалось, что не было у Фролки Акиндинова ни жены, ни малых болящих детушек – не было! И оказался он самым обыкновенным мошенником-кидалой, жуликом, проще говоря. Да и обидел он на Вологодчине не только Святогорова. Таких, как он, сердобольных и верящих, оказалось ещё не менее десятка! Что поделаться, развелось жулья в России, один на другом сидит и подгоняет!

Эх, Россия!

А банк на него в суд подал, и пока то да сё, получилось, что все эти денежки банк по закону и взыщет с него, сердобольного бедняги нашего. Так было обидно речнику, что поспорил он с судьёй. Тот малым обидчивым оказался, и отсидел в итоге за неуважение к суду и за мелкое хулиганство капитан Святогоров аж несколько суток в изоляторе, где нахватался слов и выражений, также присущих великому и могучему русскому языку.

С деньгами же у Святогорова на тот период была напряжёнка: на реке вместо пароходства частники теперь флотом заправляют. Вот и задерживают зарплаты. А банк ждать не стал. По судебному решению к судебным приставам обратился.

Что ж поделаться тут?

Банк есть банк, ему палец в рот не клади – всю руку откусит!

Такие вот дела, братцы.

Над матушкой Сухоной-рекой после серых унылых и кривых полос дождя при свете утренней зари раскинулась широкая и пресветлая радуга, играя своим величием на зеркальной глади воды.

Словно бы ничего и не случилось и не происходило.

Проходили годы и десятилетия, а река жила своей жизнью, и так же, как и вчера, рассекая серебро вод по речной глади летела белоснежная красавица «Заря», дарящая барашки волн обнимающим реку берегам.

Глава шестая Григорий

В большом и просторном кабинете с видом на центр Москвы требовательно зазвонил телефон. Не торопясь, с лёгкой ленцой и вальяжностью молодой импозантный мужчина поднял телефонную трубку.

– Алло, кто говорит? – вкрадчивым голосом спросил он.

– Слон, ты понимаешь, – раздался в трубке знакомый до боли голос первого президента России, – Гриша, не узнал что ли?

Григорий Викторович Островков, один из министров правительства России, невольно встал по стойке смирно, говоря со своим шефом.

– Извините, не узнал вас, товарищ президент, – отрапортовал в своё извинение Островков, – да и позвонили вы не по кремлёвке!

– Ну, я звоню, понимаешь, с того телефона, с которого удобнее на данный момент, – усмехнулся на другом конце провода президент, – надеюсь, ты не против?

– Нет, что вы, – залебезил министр, – конечно, нет, ваше право...

– Да, понимаешь, право-то моё, – поскучнел голос главы государства. – Вот, ты, понимаешь, реформы на нулевые готовишь. Оптимизация здравоохранения, образования, малых городов, деревень России...

В трубке зависла неприятная пауза.

– Вот что, – сказал, внезапно решившись на открытый, жёсткий и прямой разговор, президент, – смотрю я на вас, Григорий Викторович, и вашу команду, и поражаюсь... Полстраны уже скоммуниздили, понимаешь... Хотя и я не свят! А вам Россию не жаль?! Вы сами родом из вологодской деревни, вам её не жаль?! Как жить-то она будет без ничего... А реформа здравоохранения?! Дети у вас с деревень и малых городов где лечиться-то будут, а?! На каждого ребёнка Англий и Америк не напасть, да и денег у родителей российской детворы на такие поездочки не будет! Вот что, пока я президент, такие реформы и такой ценой я проводить не дам. Вы меня поняли, Григорий Викторович?! Не дам!

В трубке раздались короткие сердитые гудки.

Островков положил телефонную трубку и улыбнулся: ну мы это посмотрим, господин президент, чья возьмёт.

Время стремительно бежало, и на излёте был уже июль 1999 года.

Зная весь властный бульон и набор специй к нему, который заранее бешено раскручивал следующую президентскую компанию, министр не сомневался, что и со следующим «большим боссом» он будет в центре событий и окажет влияние на них.

А что до оптимизации, что ж, подождём, как говорится, ещё не время пить мартини...

Островков считал себя государственным и не разделял нужды России на свои и чужие. Он искренне верил, что то, что он делал и к чему стремился, необходимо не только для его блага, но и всей России. Правда, некоторые ругали его за отсутствие духовности, но это уж как у Булгакова – если не любишь бога, то, может, подружись с сатаной?!

Внезапно он вспомнил свою родную деревню Приречную, что затерялась где-то на просторах Вологодчины, и усмехнулся. Да, в чём-то и прав президент, но для России жизненно необходимо провести оптимизацию. Сократить, отсечь всё лишнее, неудобное, и зарабатывать деньги исключительно продажей энергоносителей за рубеж.

Ну а Приречная?

Конечно, жаль родную деревушку, но всегда приходится решать, что важнее...

Что ж, мы устроим всем лишним голодные игры!

В этот момент он ненавидел всех: и президента, и оптимизируемую им Россию, и даже Приречную, иногда всплывавшую в его памяти и будящую в нём что-то далёкое, глубинное и сокровенное, чему ужасался и сокрушался министр.

Вспомнив известную фразу из знаменитого фильма, министр зло улыбнулся: действительно, Боливар не выдержит двоих!

Глава седьмая Александр

Родился Саша Мутин в простой крестьянской семье в небольшой деревне Приречная, что на севере Вологодской области необъятной матушки России.

К знаниям тянулся необычайно, потому что понимал, что, не имея связей и возможностей, в Первопрестольную просто так не попасть. Таких там и без него пруд пруди. Поэтому осваивал он школьную науку и первые рабочие специальности исключительно на отлично. Закончив школу с золотой медалью, он удачно поступил в один из московских вузов, где словил-таки птицу-удачу за хвост: училась с ним на одном курсе хоть и невзрачная и страшенькая, как смерть вождя, но всё-таки дочка ну очень большого московского начальника.

Грех было упускать такой шанс. Вот Александр и не растерялся. А любовь, нелюбовь – какая разница, главное – идти вперёд и вверх до тех пор, пока это только возможно... Правда, была у Сашки Мутина влюблённая в него пассия-студентка... Дурёха. Когда узнала, что обрюхатил её Сашок, да ещё и бросил, не выдержала, малохольная, и под поезд бросилась...

А раз замутил дела, то по трупам ты идёшь или по живым людям, какая разница...

Дорогуший правительственный лимузин слегка качнуло на повороте...

Словно бы проснувшись, Александр открыл глаза и посмотрел на водителя: – Ты, это, поосторожней, Михаил, а то, знаешь, какой сон перебил?!

– Ой, извините, Александр Петрович, на тряске это, – как-то извинительно произнёс водитель, – сейчас дорога лучше пойдёт, к Вологде подъезжаем.

Посмотрев в зеркало в своём пассажирском салоне, Александр улыбнулся: «Да, всё у него хорошо».

Хотя на дворе и стоял суетливый июль 2015 года, и работы было невпроворот, но у него, Александра Петровича Мутина, губернатора одного из регионов России, всё было исключительно хорошо. Ещё бы, он направлялся таким инкогнито в свою родную деревушку, в которой не был сто лет. Причём, решил он съездить на свою малую родину в одиночку, отказавшись от своей привычной охраны и элитного транспорта. Был до губернаторства у него момент, когда он «работал» олигархом и даже занимал какие-то там строчки Форбс и прочей жёлтой прессы, падкой до богатых и знаменитых.

Впрочем, и на губернию он «пришёл» с тем, чтобы зарабатывать, а не созидать. Хотя, конечно, можно было и остановиться: крупнейшие производства в его области давно принадлежали ему, и немалые денежки постоянно переводились на оффшорные счета, прибавляя к его золотой пене всё новые и новые потоки бабла, которого сейчас стало модно считать и иметь в долларах США, как вы понимаете. А так, на жизнь хватало, был у него и собственный тропический остров на Бали с парой молоденьких местных любовниц, даже моложе его собственных дочерей. Короче, всё было и на всё хватало!

Машину ещё немного тряхнуло.

«Да, дороги», – подумал губернатор, презрительно поглядывая на вологодскую трассу, – «когда и научатся их делать, наверное, никогда...»

Конечно, можно было взять личный вертолёт или даже прогулочную яхту и эдаким «прынцем» подкатить в Приречную, мол, смотри, любуйся, родная деревня, кто к тебе приехал. Но Мутину было тупо жаль хоть своих, хоть государственных денег, которые в дальнейшем можно было пустить на дело.

Коротко звякнул мобильный телефон.

Губернатор-олигарх уважительно посмотрел на высветившийся номер: ого, сам Григорий Викторович Островков звонит, землячок, который сейчас такими делами заправляет, что ему и не снилось. Многие даже называли его «серый кардинал-оптимизатор Всея Руси».

– Алло? – чуть дрогнувшим голосом спросил олигарх, хорошо понимая, кто ему звонит. – Это вы, Григорий Викторович?

– Я, – небрежно прозвучал в трубке голос земляка, – извини, Александр Петрович, дел невпроворот, хоть и хотел с тобой, землячок, в Приречной повидаться, но, увы... А планы были, на вертушке долго ли? Так что кланяйся родной стороне. Будешь в Москве, заглядывай по старой-новой дружбе...

В трубке раздались короткие гудки.

«Да», – с облегчением подумал губернатор Мутин, – «когда такие люди тебе звонят, это что-нибудь да стоит! Куда моим делам до дел землячка. По сравнению с ним все мои дела – делишки. Один замок у моря в Испании, который прикупил землячок, вместе с аэродромом и береговой инфраструктурой со всеми вертолётными, самолётными, яхтными и катерами покруче, чем у короля Испании. А дворец в Англии, прикупленный удачливым землячком,

заставлял бледнеть от зависти даже английскую королеву! А сделка по продаже Забайкалья и Сибири китайцам?! Классика жанра! Чего стоит оптимизация всего здравоохранения страны посредством компьютерного оптоволокну в дальние деревни! Впрочем, то, что ранее считалось госизменой, сегодня считается нормальным бизнесом с раздачей наиболее удачливым орденов и звёздочек».

Вот такой вот непростой человек позвонил ему.

Ему вспоминался крайне неприятный инцидент, когда на предвыборной кампании в гонке за губернаторское кресло к нему под зоркими прицелами телекамер на встрече с избирателями подошла заплаканная молодая женщина и попросила у него денег на операцию умирающему маленькому сыну. Любой чиновник постарался бы, хотя бы для вида, изобразить бурную деятельность в духе «спасите Вилли». Но в тот момент Мутин неприятно поразился своему ледяному и презрительному чувству отвращения и безразличности к этой молодой плачущей мамочке и её умирающему сыну. Пробормотав что-то вроде «свяжитесь с моим секретарём», он буквально убежал со своей предвыборной встречи с избирателями.

– Как распорядитесь, Александр Петрович, – услужливо улыбался ему в машине секретарь-помощник, – сумму та девушка просит смехотворную, ей на карту или наличкой выдать? Изобразим так, что все тележурналисты увидят это и расхвалят вас.

– Вот что, Ефремов, – ледяным взором посмотрел на него олигарх, – денег я ей не дам, Россия большая, на всех не хватает. А придёт к тебе, нашу методику знаешь, заволокуть всё, время протяни, а там, глядишь... Деньги, они счёт любят. И по остальным детишкам: много у нас просящих?

– Много, ой, много, – ответил ему секретарь Ефремов, – и все просят, надеются на вас.

– Вот что, – жестко посмотрел на своего помощника олигарх, – всем без исключения отказать! Команду я футбольную куплю из-за бугра, да и стадион построю, чемпионат на носу. Да и президентских амбиций я не лишён, чем я не президент?!

– Вас понял, – сделал себе пометки Ефремов и замолчал.

Сейчас же тот же самый Ефремов, едущий с ним, обрадовано посмотрел в окно машины: – В Вологду въезжаем, Александр Петрович, приехали, наконец.

За окном мелькали картинки провинциальной старой Вологды с вкраплениями строек сегодняшнего дня.

– Где же моя темноглазая, где? – радостно пропел губернатор-олигарх и выдохнул. – Ну, здравствуй, Вологда, край берёз и резных палисадов.

Колёса лимузина глотали ямы и неровности дорожного покрытия столицы северного края.

– Так, – скомандовал водителю олигарх, – давай на речной вокзал, хочу на «Заре», как когда-то в детстве прокатиться. Там меня и местный полицейский ждёт, прикомандировали-таки его ко мне по просьбе местного губернатора! Вы, ребята, на пару-другую суток с машиной в Вологде остаётесь. Меня ждать, смотрите, не расслабляйтесь, а то накажу!

Важный чёрный лимузин подъезжал к речному вокзалу «Вологда», где к ним подошёл мужчина в чёрной полицейской форме с погонами подполковника, встречающий их.

Глава восьмая

Денис

Подполковник Кораблёв нетерпеливо поглядывал на часы.

«Запаздывают, гости дорогие», – укоризненно думал он, – «давно бы уже пора подъехать».

Впрочем, никуда без этого почётного гостя «Заря» не пойдёт, одно слово – VIP-персона.

Тёплое июльское солнце 2015 года заливало своим светом давно проснувшуюся красавицу Вологду. Заместитель начальника штаба Марьинского РОВД подполковник полиции Денис Васильевич Кораблёв, получивший от своего руководства приказ сопровождать от Вологды до деревни Приречной и обратно дорогого гостя, вновь посмотрел на часы: да, начальство задерживается, но на то оно и начальство, чтобы задерживаться! Денис задумался и посмотрел на реку Вологду, тихо играющую своими волнами на водной глади.

Всё у него хорошо: и должность, и звание, и выслуга поднакопилась приличная. Даже в командировках в горячие точки наш штабист успел побывать. В боях, конечно, не участвовал, упаси бог, но государственные награды за то, что был там, он имел. Впрочем, как и многие побывавшие там сослуживцы.

С семьёй у него тоже вроде всё хорошо: у шикарного трёхэтажного коттеджа на большом приусадебном участке был разбит плодовый сад и огород. Во дворе возились поблёскивавшие своей чистотой поросятки и разномастная домашняя птица, а в стойле солидно мычала корова Дуська, да бил копытом на небольшой конеферме его верный конь Максим. Хозяйство приносило вполне определённый доход. Посудите сами, всё своё, так что впереди маячила хорошая сытая и обеспеченная старость, поэтому Денису Васильевичу было куда торопиться после его нелёгкой службы. Да и денег Денис Васильевич успел скопить, потому что мужичок он был тёртый и сообразительный и не только в бумажках разбирался. Поэтому ему было что сохранять и приумножать.

– Наконец-то! – обрадовано выдохнул подполковник, заведя лимузин с известными ему номерами. – Приехали!

После чего бравый полицейский, подбежав к поблёскивающей машине, открыл двери выходящему начальнику и лихо, знай, мол, наших, представился: – Подполковник Кораблёв! Прибыл в ваше распоряжение, господин губернатор!

Ему небрежно и вальяжно махнул рукой вышедший из машины олигарх.

В свете утреннего рассвета над рекой на небольшой высоте летел, словно бы плыл, большой прозрачный светящийся шар, несущий в себе пламя Неба. Пламя это неспешно и беззвучно отражалось на зеркальной глади реки, не вступая в контакт с чуждой реальностью. И когда неопознанный летающий объект словно бы раздувался как шар, наполненный неведомой космической энергией или плазмой, он вспыхивал как яркая небесная звезда и съёживался до размеров крохотной булавки, словно показывая слияние микро и макромира. Но и при этом он вёл себя весьма разумно и рационально.

Как и многие сегодня, таинственный шар держал свой путь в деревню Приречная, что затерялась на севере бескрайней Вологодской области необъятной матушки России.

Часть вторая Деревня Приречная

Заря!

Анатолий Иванович Святогоров с любовью смотрел на свою «Зарю» – пассажирский скоростной теплоход белоснежной окраски, плавно покачивающийся на небольших волнах у речного вокзала «Вологда».

Теплоход этот был сделан ещё при советской власти и являлся скоростным глиссирующим речным судном с дизельным двигателем и водомётным движителем. Святогоровская «Заря» могла запросто развивать скорость до пятидесяти километров в час и перевозить до девяноста человек, имела на борту коротковолновую радиостанцию. Кроме капитана, в экипаже у Анатолия Ивановича был один подчинённый, хотя и полагалось два. Впрочем, у них была полная взаимозаменяемость, каждый при случае мог быть и мотористом, и рулевым. Речник Святогоров уже много лет хаживал по Сухоне на своей «Заре», поэтому любил и лелеял её как любимую женщину, свою Зорьку-Зорюшку.

Диспетчер по громкоговорителю, установленному на их речном вокзале, дал объявление о посадке на его «Зарю». Немногочисленные пассажиры проходили на его речное судно и рассаживались по своим местам в пассажирском салоне автобусного типа с трёхместными сидениями вдоль каждого борта.

«Да», – подумал капитан Святогоров, – «немного сегодня пассажиров, немного...»

Впрочем, сегодня была среда, и день был рабочий, поэтому немногие могли совершить плавание на его теплоходе. Зоркий глаз Святогорова приметил в числе пассажиров грузного, важного и вальяжного мужчину, сидевшего в салоне вместе с сопровождавшим его подполковником полиции. Это же приметил и наблюдательный моторист Бубенцов: – Смотри, Анатолий Иванович, какую-то важную шишку полицейский сопровождает.

Капитан невозмутимо посмотрел на друга и коллегу.

– Вижу, Серёжа, вижу, – тихо улыбнулся речник Святогоров, – не иначе кого-нибудь из Москвы или администрации губернатора сопровождает, вишь, какой важный гоблин! Поэтому, поаккуратней, пожалуйста, в выражениях. Путь до Приречной, нашего конечного пункта, неблизкий, держи себя в руках!

– Хорошо! – уважительно посмотрел на Святогорова его подчинённый и, не удержавшись, спросил. – Ну, а что потом?

– Суп с котом! – как-то удачно и в тему пошутил капитан и посмотрел на свои часы. – Объявляй отправление, отходим!

Пеня воду, «Заря» на самом малом отошла от причала и, плавно набирая скорость, устремилась по реке, с каждым метром пути приближая себя к своей конечной цели – деревне Приречной!

– Ну что, господин подполковник, – посмотрел на сидящего рядом с ним Дениса Кораблёва олигарх-губернатор Мутин, – ты не против, если я немного покемарю? Устал, вымотался в дороге.

При этих словах Мутин выразительно зевнул и посмотрел на свои дорогушие золотые часы, холодно поблёскивающие на его руке.

– Да, да, конечно, уважаемый Александр Петрович, – залебезил перед начальником полицейский, – сосните пару часиков, я, так сказать, постерегу ваш покой. Тем более, до конечного пункта ещё ого-го сколько пилить! Поспите, я здесь побуду, на страже.

– Побудь, побудь, – снисходительно улыбнулся олигарх и, действительно, спустя некоторое время уже похрапывал, убаюкиваемый монотонным движением «Зари».

«Упетался губернатор», – сочувственно посмотрел на Мутина подполковник, – «как дорога человека вымотала, вмиг заснул».

Впрочем, через некоторое время похрапывал уже и наш лихой подполковник, монотонный гул «Зари» погрузил в сон и его.

Быстро неслось время.

«Заря» всё так же летела по серебристой глади воды, оставляя после себя белопенные барашки волн.

– Вечереет уже, Анатолий Иванович, – посмотрел на капитана его помощник Бубенцов, – успеть бы до темнянки!

– Скоро, Сергей, и наша Приречная, – как всегда улыбнулся Святогоров, – успеем.

– Движок чой-то барахлит, Иваныч, – рапортовал капитану речник, – боюсь, что придётся мне в этот раз заночевать на судне. Ремонт, то да сё, сам понимаешь, капитан.

– Понимаю, Серёжа, – глянул на Бубенцова капитан «Зари», – ремонтируй, раз такое дело. До завтра-то успеешь? Смотри, с утра рейс обратно в Вологду.

– Конечно, успею, Анатолий Иванович, – заверил своего начальника речник, – даже не сомневайтесь.

Из-за поворота реки показалась деревня, смотрящая, как где-то далеко бурлила и была ключом жизнь, не касающаяся её и словно замершая в испуге своего преждевременного умирания.

Приречная!

Когда-то и она радовала селян, живущих в ней, своей бьющей как родниковый ключ жизнью. Но как-то тихо скрючилась, съёжилась и скукожилась она. Заснула, словно бы умерла тихой и негромкой смертью. И не было пышных проводов и застолий по умершей деревне.

Словно бы её и не было никогда.

И то правда, сколько таких деревень, как Приречная, умерло в лихие девяностые и продолжает умирать и по сей день.

– Приехали! – обрадовано расталкивал спящего полицейского олигарх-губернатор. – Вставай, служба, иначе всё проспичь!

Зевая и протирая спросонья глаза, просыпался наш бравый полицейский, смотря, как «Заря» лихо вползла на травянистый пологий берег у деревни, раскинувшей свои старые дома по всему берегу реки.

Когда все пассажиры вышли, заторопился к выходу и капитан Святогоров, дав на прощание свои краткие инструкции мотористу Бубенцову. Подойдя к своему дому, Святого-

ров заметил на крыльце спортивного вида крепкого здорового мужичка, городского. Его он заприметил ещё в числе своих пассажиров на «Заре».

Капитан вопросительно глянул на незнакомца: – Вы ко мне?

– Извините, – начал свою речь неизвестный мужчина и, достав из кармана рубашки служебное удостоверение, предъявил его Святогорову, – судебный пристав-исполнитель Новоторов Валентин Петрович! Извините, это вы Святогоров Анатолий Иванович?

– Да, я, – коротко ответил Анатолий и поинтересовался, – простите, а в чём дело?

– Не могу вас порадовать, Анатолий Иванович, – сочувственно посмотрел на капитана «Зари» пристав, – у меня исполнительное действие. Помните: кредит, банк, суд?

– Да, конечно, – покачал головой Святогоров, – поверил я тогда одному проходимцу.

– По служебным материалам я обязан описать и арестовать у вас дом и имущество, – извиняющимся тоном начал пристав Новоторов, – правда, пользоваться всем этим вы сможете под вашу сохранныю расписку.

– Обнадёжил, мил человек, – грустно улыбнулся капитан, – проходи, работай. Служба есть служба.

Зайдя в дом, пристав принялся исполнять свою рутинную работу. Как в кино, знаете: свидетели, протоколы и прочая ерундистика.

– Так, Анатолий Иванович, – спрашивал пристав-исполнитель, поглядывая на холодильник, – какой марки, давайте посмотрим.

Осмотрев холодильный агрегат, пристав записал его в свои бумаги: – Так, холодильник «Свияга». Что ещё у вас есть?

Заметив прыгнувшего на холодильник кота, Святогоров смахнул его на пол и грустно пошутил: – Убегай, Барсик, а то тебя ещё опишут, что тогда делать будем?

Пристав Новоторов оценивающе посмотрел на внутреннее убранство дома: описывать нечего, беднота, голь перекатная! Холодильник, телевизор, микроволновку и даже старый мотоцикл он описал и внёс в свои документы.

Что ещё описать?

Пристав, тяжело вздохнув, продолжил свою нелёгкую работу.

В это самое время олигарх-губернатор Мутин в сопровождении полицейского Кораблёва шёл по родной деревне.

Да, изменилась его деревенька и далеко не в лучшую сторону!

В бликах заходящего солнца чернели покосившиеся купола полуразвалившейся церкви, где он когда-то ещё мальчонкой лазал и играл. Удивлённый Мутин шёл мимо развалившегося здания сельского медицинского ФАПа – фельдшерско-акушерского пункта. На дверях начальной школы с зияющими бойницами окон висел огромный амбарный замок. А ведь когда-то он учился в этой школе!

Грустный олигарх, проходя мимо сельмага – сельского магазина, заметил, что двери магазинчика закрыты на замок, впрочем, как и их сельский клуб и библиотека, тропки к которым густо поросли бурьяном.

«До чего страну, сволочи, довели!» – грустно подумал Мутин и горько улыбнулся, – «А кто довёл-то? Такие же, как и я сам... Эх, сам себе лгать не будешь...»

За ним, не торопясь, шёл подполковник Кораблёв, нёсший в руках свёрнутый дорогой пиджак и портфель губернатора.

Ещё раз сокрушённо остановившись возле разбитой церкви на не менее убогой, страшной и разбитой сельской дороге, они и не заметили, как к ним подошёл молодой священник в тёмной рясе.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровался с ними священнослужитель. – Меня зовут отец Олег, я здешний настоятель, окормляю свой приход.

– Привет, привет, – посмотрел на священника олигарх Мутин, – только, смотрю, батюшка, чего-то ты хреново окормляешь, посмотри, как церковь порушена! Я её ещё мальчонкой помню, такая красавица была! Такой колокольный благовест по всей округе звенел!

– А вы из местных будете? – оживился как-то молодой настоятель. – Кто, если не секрет?

– Не секрет, – усмехнулся олигарх-губернатор, – Мутин я, слыхал про такого?!

– Ну а как же! – расплылся в улыбке священник. – Вот и дядя ваш двоюродный Вячеслав Иванович Меленков, кстати, наш староста, частенько рассказывал о вас, как вы высоко поднялись!

– Жив, что ль, дядька? – удивился Мутин. – Ему годков, почитай, как японскому Годзилле! Не ожидал!

– Жив, жив, – радостно заверил губернатора настоятель, – да и дом его неподалёку, если помните. Заходите. Я и сам к нему собирался. Да, вы надолго к нам?

– Конечно, зайду, обязательно зайду, а приехал на сутки максимум, – как-то растрогавшись, посмотрел на собеседника Мутин и спросил. – Ну, а тебе, батюшка, коли я здесь, могу ли чем помочь?

– Ой, – растерялся священник и с надеждой посмотрел на чиновника, – какой храм у нас вы и сами видите, вот бы восстановить его, правда, вопрос – где взять деньги? А то вера в народе порушена: на днях по телевизору наблюдал, как малый ребёнок тонет, а на его фоне делают селфи здоровенные подростки!

– Деньги, деньги, всем нужны деньги, – проворчал, как проскрипел, Мутин, и спросил, – сколько же тебе надо, настоятель?

Священник назвал точную сумму.

Олигарх-губернатор презрительно поморщился: – Всего-то! Такие копейки и даже больше, чем просишь, дам я тебе! А сейчас пошли к дядьке, у него заночуем, если не выгонит. А по утранке – обратно, сам понимаешь, дела одолели, забери их холера.

В это же самое время пристав Новоторов, закончив исполнительное производство, гостевал у того же самого Анатолия Ивановича Святогорова, потому как идти ему было некуда на ночь глядя, не к «Заре» же на берег реки ползти! А гостиницы и дома колхозника в деревне не было, не советские, чай, времена! Вот и пришлось ему воспользоваться великодушием и благородством хозяина и сидеть, как говорится, на хозяйских харчах за его кухонным столом.

– Что, Валентин Петрович, – смеялся Святогоров, доставая из холодильника бутылку «Столичной» и еду, – это ты у меня не арестовал? Нет, чай, водки-то в описи?

– Нет, – виноватился пристав Новоторов, – продовольствие не описываем, ещё до такой жизни не докатились...

– Эх, Петрович, – вздохнул капитан «Зари», – боюсь, что не только докатились, но и перекатились.

– Жизнь такая, Анатолий Иванович, – мудро заметил Новоторов, – а жизнь наша бекова, нас трясут, а нам некого!

– Жизнь люди делают, – не согласился с приставом речник и молча разлил водку по рюмкам, – хотя временами кажется, что жизнь это сон, от которого хочется проснуться. А так, если делаешь что-либо справедливое и праведное – иди до конца! Ну что, пристав, за нечаянное знакомство выпьем, что ли?

– Выпьем, речной капитан, обязательно выпьем, – понимающе посмотрел на Святогорова пристав. – Хороший ты человек, не злобивый, как я посмотрю, настоящий. Поверь, я на своей службе разных навидался. Другой меня давно бы турнул!

– Да, что я, человека, на ночь глядя, как собаку из дома погоню? – удивился речник и замолчал.

Звонко чокнувшись рюмками и выпив, мужички закусили маринованными огурчиками и солёными грибочками.

В это же самое время Мутин, Кораблёв и священник подходили к дому Меленковых.

Дом у Вячеслава Ивановича Меленкова был небольшой, но справный и уютный. Вот и сейчас старик сидел в своём доме и смотрел телевизор, благо электричество в деревне ещё не отключили. Внезапно в дверь коротко постучали.

– Алёна, – невозмутимо посмотрел на прихорашивающуюся у зеркала супругу дед Слава, – хватит причапуриваться и так баская. Кажись, стучат. Посмотри, кого нелёгкая глядя на вечер принесла?

– Иду, – послушно отозвалась его жена и плавно, как лебедушка, пошла к дверям, – сейчас, открою.

Открыв двери, жена Меленкова увидела троих мужчин, одного из них она знала, это был настоятель их сельского церковного прихода.

– Здравствуйте, здравствуйте, – приветливо приглашала она в дом гостей, – кого это вы привели к нам на ночь глядя, отец Олег?

– Чай, не признаёте, тетя Алёна? – вместо священника ответил весь-весь моднявый и не старый ещё представительный мужчина. – Не узнали племяша-то вашего, Сашку? Да это я – Александр Петрович Мутин!

– Ой, – растерялась и в самом деле Меленкова, подслеповато разглядывая дородного племяша, – Слава, ты только посмотри, кто к нам приехал! Саша Мутин!

Встав с дивана, Вячеслав Иванович Меленков подошёл к ним и, поздоровавшись, обнял своего племянника: – Господи, тебя и не узнать, Сашок, какой ты стал, такой большой, видный. А это кто с тобой, милиция что ли?

Мутин снисходительно улыбнулся безграмотности родственника.

– Не милиция это, а полиция, – поучительно ответил он и представил полицейского своему двоюродному дяде, – охрана это моя, подполковник полиции Кораблёв Денис!

– Милиция, пилиция, один леший разберёт, что сейчас творится, – вздохнул его дядя и посмотрел на офицера полиции, – хоть твоё дело и служивое, сынок, а ты проходи, садись, мил человек, и не обращай внимания, если я что-нибудь не то брякну.

Гости проходили и рассаживались за стоящий по деревенским традициям в центре комнаты стол, на который, по указанию Меленкова, гостеприимная хозяйка приносила различные закуски, соленья и разносолы.

– Ты уж меня извиняй, Петров сын, – сокрушался о своей бедноте дед Слава, – всё что в доме из еды есть, всё на столе будет! А уж самогоночка у меня самый что ни на есть первач! Да, Сашок, надолго ли в наших палестинах задержишься?

– Погоди, дядя Слава, в самом деле, не гоношись, – поднял упреждающе руку Мутин, – помню я твою самогонку, чересчур ядрёная вещь! У меня есть кое-что получше, то, что ты никогда не пивал и не пробовал. А приехал малую родину вспомнить, завтра же обратно на «Заре» – всё дела. На ночлег-то примете, надеюсь?

– Хорошо, – согласился Вячеслав Иванович, – мы не против, хотя жаль, что не надолго ты. По такому случаю и пиджак парадный не грех одеть. Я его на майские, поди, только и одеваю.

– Правильно, дядя Слава, – по-заговорщески улыбнулся его племянник, – и я свой пиджачок и бутылочку достану!

Посмотрев, как Меленков ушёл в другую комнату надевать свой парадный пиджак, олигарх-губернатор небрежно посмотрел на полицейского: – Вот ты, Денис, мою одежду и кейс носишь, давай-ка их сюда.

Полицейский передал барское имущество губернатору.

Смотря, как губернатор одевал на себя «пиджачок» от Кардена, подполковник не выдержал и от удивления тихо присвистнул: на могучей груди олигарха грозно поблёскивали Золотая Звезда Героя России и несколько орденов Почёта и За заслуги перед Отечеством. Впрочем, напоминал его «пиджачок» с наградами одёжку огламуренных кинодив хищного века сего, ошетилившегося своими госнаградами не хуже чем парадный мундир генералиссимуса Суворова при встрече с императрицей. Открыв кейс с кодовым замком, Мути́н небрежно достал и поставил на стол три бутылки иностранного вина. Одну из таких бутылок подполковник Кораблёв видел впервые, в двух других, знакомых на вид, он прочитал названия: французское шампанское «Вдова Клико» и иностранный «Мартель».

Из комнаты вышел Вячеслав Иванович Меленков, на парадном пиджаке которого, кроме нашивок за ранения, красовались бантами ордена Славы, Красной Звезды и медали «За отвагу».

Увидев Звезду Героя и незнакомые ему награды на одежде олигарха, Меленков смутился: – Не ожидал, Сашок, что ты так порадуешь старика! Герой ты у нас! Мне со своими наградами к тебе теперь и подходить-то боязно. Воевал что ли где, сынок?

– Нет, – смущённо потупил свой взор олигарх-губернатор, – это мне за общее руководство дали, сам понимаешь, во многих регионах я губернаторствовал, Россию-матушку поднимал! Ведь люблю я её, Россию-матушку, как и народ наш многострадальный, с которым един!

– Ну и ладно, лямония ты мой тороватый, – согласился миролюбиво так со своим разговорчивым племянником его дядя и посмотрел на окружающих, – так, вижу – все за столом, наливай, племяш, накатим по одной!

Смотря, как Мути́н открыл чудную бутылку и налил из неё вина только ему, себе и своей тётё, Меленков невольно улыбнулся, наблюдая, как остальным олигарх разливал из других бутылок.

Посмотрев ещё раз на Александра Мутина, старик осторожно спросил: – Баю я, вино у тебя чудное, заморское, не нашенское, как звать-то его?

Разлив по фужерам дорогущее французское вино, олигарх горделиво улыбнулся: – Такого винца и вправду ты не пил никогда, это французское, урожай «Монополь» 1907 года, его сам царь Николай второй любил пить! Представь, дядя Слава, ты сейчас будешь пить вино небожителей и царей!

– Боюсь спросить, племяш, а сколько стоит оно, чай не дороже «Пшеничной»? – спросил Меленков у своего племянника. – Ась?

– Ну, ты это загнул, дядя Слава! – от всей души рассмеялся вдруг Мути́н. – Коллекционное штучное вино по цене русской «Пшеничной»! Ладно, цену скажу, но только смотрите, не говорите никому о ценах таких, народ не поймёт. Так вот, бутылочка эта, которую вы сейчас видите, стоит двести семьдесят пять тысяч долларов! А?!

Гости изумлённо охнули, и в доме воцарилась странная какая-то пауза и тишина.

Впрочем, она длилась недолго. Подняв фужеры за здоровье хозяев, все выпили.

– Скажи, пожалуйста, – озадаченно вымолвил дед, осушив фужер «Монополь», – какая ехидная штука! Слышь, племяш, не обижайся, одно скажу, я хоть и солощій, но мой яблочный сидр лучше! Правда вот, по осени его готовлю из Мичуринской «Сладкой фунтовки», яблоки есть такие, старый сорт. Баские! Лучше не бывает!

– И, правда, винцо это на любителя, – вмешалась в разговор Алёна Меленкова, – по мне так стакан ядрёного первача не хуже! Что нам эти французы-лягушатники, и вино их – бормотуха!

– Ну, вам не угодить, господа миллиардеры, – усмехнулся Саша Мути́н, налегая на домашнюю деревенскую колбаску.

В дверь кто-то робко и несмело постучал, как поцарапал.

– Кого ещё на ночь несёт? – заворчала хозяйка дома и пошла открывать дверь. Увидев гостя, она, вздохнув, пригласила его в дом: – Заходи, заходи, Андрюша.

В дом Меленковых зашёл плохо и бедно одетый, в потрёпанной, но чистой одежде, седой как лунь, с белоснежной бородой и усами Андрей-юродивый.

– А, Андрюша к нам пожаловал, – обрадовано встретил гостя хозяин дома, – присаживайся к нам. Не смотрите, что одет он как отеребок, это Андрюша, юродивый наш, странник божий. Дом у него в деревне от родителей остался. Как батюшки нет, так Андрюша нам про боженьку и дела его рассказывает...

Войдя в дом, Андрей трижды поклонился в пояс иконе Девы Марии и гостям и, несмотря на все приглашения, сел на пол под иконой. Поняв, что им не удастся усадить юродивого за стол и накормить его, поскольку от еды он отказался, гости вернулись к своему застолью.

– Вы не смотрите на него так, Александр Петрович, – горячо нашёптывал Мутину на ушко священник, – Андрюша, он не опасный, мухи не обидит, только языком чесать горазд... Да и замечали мы в приходе, что старается он старым людям помогать. Да так, чтобы те не знали. А когда ловят за этим добрым и богоугодным делом люди-то его, копеечку свою предлагают, так он не берёт никогда и ни у кого. А раз был случай, кирпичи на ремонт церкви привезли, смотрим, а кто-то по ночам складывает их под навес от дождя, чтоб не портились. Гадали, гадали, кто ж это? А оказалось, это Андрей-юродивый на такое дело сподобился. Бесплатно, конечно...

– Дурачок, что с него возьмёшь, – улыбнулся в ответ Мутин, – а России трезвомыслящие нужны! Хотя весь народ наш, как юродивые: назначишь им подать-налог с марсианской росы, и тот заплатят!

После юродивого заглянул к ним на огонёк вечно не просыхающий от спиртного внук Меленковых, безработный Васёк Меленков, житель их деревушки.

Как это бывает по обыкновению, но в разгаре веселья спиртное закончилось. Гости и даже Мутин, почувствовавший уже пьяную деревенскую удаль, вопросительно посмотрели на хозяев дома.

– Васёк, – обратился старший Меленков к внуку, – сам видишь, вся хмельная бутетень у нас кончилась. Сгоняй к Святогорову, это близко, Анатолий свою «Зарю» пригнал, а у него, я знаю, запасец «Пшеничной» имеется. Слышь, внучок, и его приглашай в гости-то к нам. Давай мигом, уколочень ты наш медлительный!

Обрадовано кивнув, Васёк Меленков вышел из дома и скрылся в наступающей тьме.

– Вот так вот и живём, – грустно подытожил старый Меленков, – супермаркета, как в городе, не имеем...

Впрочем, через какие-то пятнадцать-двадцать минут спустя он вернулся, и не один, приведя с собой двоих мужчин. Одним из них был Анатолий Иванович Святогоров, ну а вторым, как вы и сами уже правильно догадались, пристав Валентин Петрович Новоторов. С собой мужички принесли ещё пять бутылок водки и закуски. Познакомившись друг с другом, новоявленные знакомые сели за стол. Усадили за стол даже Андрюшу-юродивого, который, правда, не прикасался ни к еде, ни к питью.

Гулянка продолжилась!

За знакомство поднял фужер с водкой капитан Святогоров: – Ну вот что, мужики, честна компания, и ты, тётя Алёна! Спасибо за то, что пригласили и гостя моего приняли. Помните, как у Шукшина: народ к разврату собрался! Так выпьем же за то, чтобы не всю Россию развратили и испохабили!

– Выпьем за это, капитан Руси, – уважительно встал за столом пристав Новоторов, – обязательно выпьем – и за Русь святую, и берёзки белые её, обязательно выпьем!

Гости и хозяева дружно поддержали тост, лихо опрокинув содержимое фужеров с водкой в себя.

– А ещё я предложу второй тост за знакомство, – продолжил Новоторов, – помните, как у нашего праведника и пророка Александра свет Исаевича Солженицына звучало, что нравственность, справедливость и духовность должны стоять над законами юридическими! Так выпьем же за это, друзья, чтобы слова эти не расходились с нашими делами! А ещё выпьем за то, чтобы и нами правил справедливый правитель, подобный мудрому князю Владимиру, служащему не кучке богачей, а собственному народу!

Собравшиеся охотно поддержали и этот тост.

Русская водка медленно и неуклонно делала своё чёрное дело: гости и хозяева становились всё смелее, раскованнее и развязнее прямо на глазах.

– Ты смотри, – жаловался всем на жизнь ветеран Меленков, – раньше была деревня более восьмисот дворов, а теперь нет и двадцати! Нет колхоза, работы нет, народ спивается, робить никто не хочет! Нет ни почты, ни клуба, ни магазина, начальную школу и ФАП закрыли! Ни фершалов, ни участковых, ни дороги – ничего нет! Деревня убита и разгромлена, как и вся страна! О чём баю-то я?!

Вячеслав Иванович обвёл всех своим взором и продолжил: – Вся земля бурьяном поросла. Посмотришь на поля, и слёзы наворачиваются. Посмотришь на бывшую центральную усадьбу колхоза и плачешь... Церкви порушены, в народе веры нет, хоть ложись и умирай! Разве это жизнь?! Хотя, надеюсь я, что проснутся люди, ведь люди же! Вот недавно с городу была комиссия. Посчитала так и вывела справку-картинку, мол, живёт деревня, а то, что население убывает, так на работу в города они переезжают... Эх, переезжают... на кладбище! Мрёт деревня-то, господа хорошие, мрёт... Тихо так и безмолвно... А по телику что показывают: живём лучше некуда! Господи! Как надоела вся эта показуха! Что нам остаётся? Пить за Россию, которую мы потеряли?!

По щекам фронтовика текли гневные слёзы боли и отчаяния.

Тяжело вздохнув, он продолжил: – Вот что я хочу сказать, там, на верхах, что, сбрендили окончательно?! Неужто не понимают, что убив деревню, они убили и часть Родины и своей души в самих себе! И если они отвергли Царствие Небесное, как и Родину, то, что в них?! У соседки мово, что мучился в болях и непонятках своих, рак обнаружили... Поехал в город, а там смеются: запустил болезнь-то! А как быть, если фершалов в деревнях нигде нет! А городские насмеваются, давай мильон на лечение, тогда поговорим, а откуда у крестьянина миллион?! Так вот и мучался, сердешный, пока по весне богу душу не отдал, тихо так, незаметно... А ведь фронтовик был, такой же, как я. А в райцентре – лучше?! Вон, все районки пестрели объявлениями, когда всем народом в городе собирали недостающие пять миллионов на лечение умирающей девочки! Это когда такое бывало, чтобы у великой страны денег на лечение своих детей не было?! Эх, люди перестали быть людьми, а ведь воевал я когда-то и за эту девочку!!! И так везде!

Мутин сочувственно положил руку на плечо своего дяди: – Не расстраивайся, Иваныч, оно тебе надо? Вот у меня писатель в Москве знакомый есть, не слащавый, не правильный, не удобный такой, одно слово – не придворный. Так вот, он всё правду пишет! Всё у него не как у людей, мнение, вишь, у него имеется особенное! Правда вот, читателей на его книги не находится, даже в интернете! Людям что надо: попроще... Вот, Булгакова, Анну Каренину читают, а то, что там герои делами своими злу поклонились – ерунда, написано-то дьявольски красиво! Или вот, мужик пол сменил, так у него вмиг миллионы электронных одобрямс! Забавно! Раньше были люди, а сейчас – одобрямс! И, вообще, наша жизнь – смешная штука, как в народе треплют, что раньше была Россия, а сейчас «рашка»! Вон, по телику показывают, взяли одного заграничного тренера на наш спорт, кто-то денежку ха-а-рошую отмыл! А после не знали, как от него избавиться. Говорят, почти миллиард отвалили неустойки-то!

Или вот, один орёл с падругеей своей баблища столько распилил, вам и не снилось! И что! Герой России! Ох, рашка, рашка, ты как чебурашка!

Мутин цинично посмотрел на своего дядю и продолжил: – Жизнь, что? Поезд, летящий на станцию по имени смерть! И везде хорошо там, где нас нет! В безумном мире безумен я! Так выпьем же за то, чтобы наш поезд не торопился на конечную станцию и выпьем за то, чтобы наши корабли бороздили космические океаны, ища эту... как там её... истину!

Сказав тост, олигарх-губернатор и все присутствующие, за исключением юродивого, лихо залили водку в себя.

Словно бы не выдержав, встал Андрей-юродивый.

– О, смотрите, наша египетская пирамида ожила, – пьяно ухмыльнулся Мутин, – посмотрим, что она сейчас изречёт.

– Мир вам, братия мои! – так начал свою речь Андрей. – Да, мы рвёмся в космос, стремясь познать неизведанное и непознанное. Но, отходя от себя и удаляясь от земли, мы удаляемся не только от познания самих себя и вселенной, но и от истины, которую извечно ищем, и не замечаем, что та истина, которую мы пытаемся найти, давно найдена, и она в нас, и это – любовь!

– О! – вскочил уже хороший пьяненький Васёк Меленков, держа фужер с водкой в руке. – Ну, за любовь!

Присутствующие дружно поддержали этот тост.

– Чегой-то по телику интересное кажут? – подал свой голос хозяин. – Включи погромче, Васёк, чай помоложе всех будешь.

Вышедший из-за стола Василий небрежно включил телевизор.

На экране телевизора, сменяя друг друга, шли сюжеты то о газовиках, отключивших за неуплату Вечный Огонь, то о молодёжи, которая танцует в церкви или записывается в террористическую группировку ИГИЛ.

Телеведущий вопрошал: но почему?

– В самом деле, почему? – высказал общее мнение капитан Святогоров. – Чего им не хватает?!

Юродивый посмотрел на него: – А разве дети ваши не видят лицемерия, в котором тонет всё общество, взывая к правде и истине?! И многие, ведомые змием, сбиваются на неправый путь, так и не открыв двери истине, а лишь закрыв её плотнее.

– Да-а-а, – протянул пристав Новоторов, – обессилела Россия, даже петухи скурвились, и те бесплатно не кукарекают!

Тем временем телевизионщики бойко показывали по «зомбоящику» очередной сюжет, суть которого заключалась в следующем: внук одного олигарха, издеваясь над людьми под снимающую его камеру, проводит эксперимент. Так, одной молодой девчужке он предлагает полностью раздеться за десять тысяч рублей, и та покорно исполняет его требования, оголяясь на людях под ведущуюся видеосъёмку. Далее подонок за эти же деньги предлагает пить свою мочу пожилому мужчине, и тот... О, ужас, исполняет это...

Вперившись мутным взором в экран телевизора, олигарх пьяно рассмеялся, узнав молодого подонка: – Ну ты и подгадил же, Максимка, своему деду... Теперь тендер мой будет! Наше дело воровское, тихое... Большие деньги шума не любят... Прикинь, не будет же вор, перед тем как влезть к кому-нибудь в карман, предварительно рекламировать свою кражу! Делай всё втихую: землю – китайцам, оружейный уран – американцам! Это раньше говорили: возлюби ближнего своего, а сейчас – обдери его, как липку! Нет, наше дело тихое! Из-за чего даже Звёзды Героев и орденок нам раздают закрытыми указами!

– За что звёзды-то?! – осуждающе посмотрел на него старый фронтовик Меленков. – Вот мы воевали, гордились фронтовыми медалями и орденами своими, геройских звёзд за так просто не давали! Цена у них была настоящая, а не такая, как сейчас!

– Звёзды за что? А за общее руководство всеми вами, – пьяно ухмыльнулся олигарх и, вспомнив что-то, схохмил, – да, нам, царям, за такую работу, за вредность молоко надо давать!

– Так вы и сосёте, – сверкнул глазами фронтовик, – присосались к титьке матери-Родины и сосёте, сосёте, когда уж и насытитесь!

– Appetit приходит во время еды, а он у нас безграничен, – отшутился Мутин и замахал руками. – Ерунда все эти звёзды! Вот у меня на хозяйстве работник элитных жеребцов спас с моей конефермы, так я ему Звёздочку выбил! Цена ей, правда, небольшая. Да ты не обижайся, давай лучше выпьем на мировую, Иваныч, правда, нечем, водка кончилась. Помнишь, ты грозился первачом угостить?

– Эх, да когда это было, – тяжело вздохнул Меленков, – впрочем, не жаль. Алёна, подай пару бутылок первача! Только вот что, аккуратней пейте его, очень крепкий он, больше закусывайте, а то крышу враз снесёт.

Скоро в фужерах забулькал первач-самогон хозяина дома.

В какой-то грустной паузе, посмотрев друг на друга, уже не чокаясь, словно на чьих-то поминках, мужики выпили ядрёный напиток, который был действительно ну очень хорош и крепок.

– Да, – посмотрел на Мутина пристав Новоторов, – такого таракана, как ты, никакой дихлофос не возьмёт! Действительно, время сейчас какое-то мутное...

– Попрошу без высказываний, – пьяно глянул на Новоторова олигарх, – потому что известно, что я прав, потому что у меня больше прав! И вообще, такие как я – звёзды нации!

– А ты уверен в этом, дядя олигубр? – усмехнулся капитан Святогоров. – Забыл, что настоящие звёзды на небесах?! Эх, олигозавр, и чего гоношишься-то?! Поросёнок, поросёнок, и почему ты не кабан?

– Свинья это животное, ну совсем как человек, – парировал его насмешку Мутин и пьяно выкрикнул, – эх, хорошо живу, далеко гляжу, салют, нищebroды!

– Ну ты и окабанел, член несправедливой России! – не удержался Новоторов. – Такие как ты забыли свои корни, и любовь к родной земле в них уже не живёт, осталось только потребление!

– Да ну вас, черти, – отмахнулся пьяный олигарх и посмотрел по сторонам, словно бы вспомнив что-то. – Батюшка... отец наш... святейший... поп... ты где?!

К богачу услужливо подсел священник: – Здесь я, вы что-то хотели, Александр Петрович?

– Да, – шарил у себя по карманам олигарх, доставая дорожную золотую авторучку, усыпанную бриллиантами и сапфирами, – ты хотел у меня денег на церкву, давай бумагу, подпишу любую сумму! И никогда не забывай, кому ты служишь, кто твой настоящий благодетель и спонсор! Хочешь миллион... а может, лучше сразу... миллиард?!

– Нет у меня бумаг, Александр Петрович, – испуганно запричитал священник – завтра в Вологду с вами на «Заре» поеду, там в областном центре я всё в лучшем виде вам представлю.

– Блин, не пишет, зараза, – почиркав авторучкой по столу, посмотрел на всех олигарх. Затем, ухмыльнувшись, пренебрежительно откинул ручку в сторону и, заметив удивлённые взоры людей, пробормотал... – вы, это, не беспокойтесь, у меня ещё такие есть...

Наступила такая тишина, что даже было слышно, как сонная муха беспомощно бьётся об оконное стекло.

Юродивый посмотрел на священника: – Скажи мне, брат, вот когда богатый, взяв себе всё, обрекает на смерти от болезней и лишений не своих детей, имеет ли он к ним любовь?

– Нет, не имеет, конечно, – уверенно ответил священник и осторожно так посмотрел на олигарха.

– Правильно ответил, – невозмутимо посмотрел Андрей на настоятеля и спросил во второй раз, – а раз так, имеет ли он милосердие к детям сим?

– Нет, не имеет, – ужаснулся собственному ответу священник и боязливо посмотрел себе под ноги, словно бы потерял что-то важное и искал там ответы на все вопросы.

– Хорошо, – не унимался юродивый и в третий раз вопрошал священника, – а справедливо ли всё это?

– Нет, не справедливо, – почти прошептал свой ответ настоятель и потупил свой взор.

– И ещё ответь мне, брат мой, – продолжал божий странник, – если бы ты знал, что Святой придёт с Небес на землю, показав все дела свои и ища милосердие в людях, в каком теле придёт Он – в Божественном и Светоносном или в теле грешника?

– Грешника, – стыдливо посмотрев на Андрея, и в самом деле правильно отвечал священник.

– Хорошо, – улыбнулся юродивый и продолжил, – и, зная все добрые и славные дела Его, как встретят Его люди? Воздадут ли ему подобающие почести или будут гнать, как последнюю собаку?!

– Гнать будут! – ужаснулся собственному ответу служитель церкви и замолчал.

– Тогда в чём же цена искупления, и сколько же церковью надо построить богатею, чтобы примириться с богом и своей собственной совестью? – словно бы сам себя спросил юродивый и уверенно ответил как бы всем. – Ровно одну – Храм в своей душе и быть справедливым, милосердным и любить ближних своих как самого себя. Только так человек будет иметь Бога в самом себе и Храмом Божиим будет!

– Уймись, дурак! – ослоловевшими глазами брезгливо посмотрел на юродивого олигарх и, не выдержав его взгляда, отвернулся от него. – Святой отец, святейший... как ты сносишь его оскорбления?! А ну давай быстро... отлучай его от церкви... а ещё лучше распни его, вам не привыкать... А хочешь, мы его сейчас как еретика на костре сожжем, как кабана запалим, посадим на газовую плиту и сожжем... Я тебе это как персональное божество приказываю, потому что я сам как бог...

– Сашенька, – жалостливо посмотрела на него Алёна Меленкова, – газа у нас нет, да и выпил ты шибко лишнего. Шёл бы спать...

– Заткнись, дура старая! – сверкнул гневным взором олигарх на старую женщину. – Жалиться мне удумала, газа у них нет! Правильно, нет... и не будет никогда, поняла!

В ярости олигарх стукнул кулаком по столу.

– Цыц, тараканы, забыли, кто ваш хозяин?! – грозно посмотрел на всех олигарх. – Сталина на вас нет, уроды! Я бы быстро с вами всеми в тридцатые разобрался! Какие могут быть перспективы для этой страны и её миллионов подёнщиков?! Правильно, никакие! Все перспективы у нас, а всё остальное игра в доброго и злого полицейского, вот так! Полицейский, ты где? А-а-а... вот ты где спрятался, ментокрылый мусоршмит! Ты меня держись... не пропадёшь...

Робко посмотревший на него Кораблёв, промямлил что-то пьяное и невразумительное.

– Я ещё не закончил, слушать сюда! – пьяный олигарх стукнул кулаком по столу. – Вы что, правда, не понимаете, что всё, что есть в России, давно уже наше, кстати, с вашего рабского молчаливого согласия! И если даже произойдёт какая-нибудь буча типа войнушки, мы на наших тропических островах со своими близкими будем наблюдать, как ваши дети и внуки будут умирать за нашу приватизированную Россию, ибо по определению в этой стране для вас уже ничего не осталось! Скажу прямо, а если станет ещё хуже, откажусь и от близких, и от всего, ибо я для себя единственное божество, служить которому я рад! А у вас одно право, право продажных душ – служить нам! Ну, как, нравится, съели?! А если хочешь подняться – воруй или пей мочу! Только не забывай заносить и делиться! Мы оптимизируем Россию и всех вас! Мы – элита нации!

– Молчать! – не выдержал и стукнул кулаком по столу фронтовик, грозно смотря на олигарха. – Я понял, в чём наша проблема! У нас в стране сегодня любое вороватое ничтожество ставится им же самим или ему подобными в ранг национальной элиты, штампуя и воспроизводя себе подобных! Но это неправда! Ведь нельзя же жить во лжи! Труженики, мастера своего дела, те, кто делает сверх того, что ему поручено, для блага людей – вот она, элита и гордость России! А за вами, господа, нет будущего ни в России, ни где-либо ещё, потому что вы ядите, как жуки навозники, и убиваете, подобно злой саранче, народ и землю, на которой живёте! С такими, как вы, люди перестали быть людьми, и любовь в них больше не живёт! Одно обидно, неужели за таких, как вы, мы воевали и проливали свою кровь?!

Олигарх сытно икнул и посмотрел на фронтовика.

– А мы благодарны вам за наше счастливое настоящее, – презрительно ухмыльнулся Мутин, – вон какие праздники на 9 мая закатываем! А то, что счастье не коснулось ни ваших детей, ни ваших внуков, то уж извините... Счастья, как и бабла, много не бывает! Вот поэтому и не хватает на всех, его, счастья-то!

Юродивый сурово посмотрел на говорящего: – Живёте вы так, потому что забыли все законы божии – убиваете, крадёте, прелюбодействуете, берёте лихву. Люди, одумайтесь! Или не знаете из писаний, чем побивают земную грешницу?!

– Что ты вякаешь, дурак, о жизни-то?! – осуждающе посмотрел на божьего странника олигарх. – Вот, плачут: Украина кровью заливается, ну и что?! Глазюньки-то свои сонные продерите, наконец! Для чего зомбоящик-то трещит воплями шутов да событиями разными?! А всё для того, чтобы народ картинками соседских жизней отвлечь! Там такие же олигархи, как и мы. Россия, Новороссия, какая разница?! Это как зеркало – отношение к вам – нищесбродам. Для нас одна задача – успеть урвать и свалить! Ты хоть что-нибудь понял, святоша?!

– Я раньше думал, – не выдержал фронтовик, – что таких, как вы, утративших совесть свою, как и Бога, надо в зоопарках показывать или расстреливать без суда и следствия. А теперь вижу: вас судить надо и пороть принародно на самых больших площадях! Но что для вас суд?! Вы купите его на корню, да и купили давно! На вас только один суд возможен – божий!

– Божий? – пьяно ухмыльнулся и икнул олигарх. – Где он, скажите мне, и я куплю его... да и где ваш бог, покажите мне его... Ау-у, бог! Ну, поймите же, наконец, мы настолько могущественны, что даже влияем на весь мир, помогая правителям дружественных нам стран!

– Пойдите! – вмешался в разговор Святогоров, – А может быть, стоит помочь собственному народу?!

– А зачем? – тупо посмотрел на спросившего богатей и искренне рассмеялся, как над очень смешной шуткой. – Вас кормить, так вы всю страну своими фекалиями изгадите, никаких полей не хватит, чтобы ваши отходы переработать. Вы кто? Да никто! Пыль под ногами сильных мира сего! Вас много, а нас, имевших смелость взять власть в свои руки и распределять национальные богатства – мало! И поэтому все мы живём, соблюдая негласный договор: вам позволено работать на нас в этой стране, а нам – имитировать заботу о вас! Вот смотри, у моего друга на похоронном бизнесе вот что братва учудила: перед кремацией догадались сдирать золотые коронки и кольца с трупов. Вот молодцы! Добытчики! И вообще, что вы навалились на меня, я вам не какадрищев!

– Я таких добытчиков в сорок пятом... без суда и следствия, – жёстко посмотрел на олигарха фронтовик. – Не думал я о тебе так плохо, Саша, как сейчас... Да твой отец в гробу переворачивается от стыда за тебя... Эх, Сашок!

На эти слова ничего не сказал ему Мутин, лишь пренебрежительно махнув на него рукой.

– Да, Мутин, ты просто реинкарнация гиппопотама, – нехорошо посмотрел на него Новоторов, – у нас с такими в десанте разбирались просто и быстро.

– Что ты хочешь сказать этим? – посмотрел на него олигарх. – Кто так разумен, как не я? Я готов служить хоть дядюшке Сэму, хоть чёрту лысому. И вообще, зачем искать мысли и деньги там, где их нет?! Выпьешь со мной? А-а-а, не хочешь... А я тебе говорю, пей! Я... обожду...

– Ну, ваше благородие, ты и нажрался, – усмехнулся Святогоров, – этому чинушезавру больше не наливать!

– Мне? Не наливать?! – грозно посмотрел на всех Мутин. – Да я, знаете, какой, море выпью... особенно, когда на НЛО чертей погоняю...

– Что, белочку схватила, мышшь ты енотовидная? – презрительно усмехнулся пристав Новоторов. – Не всё тебе воду мутить! И почему бог напустил на Россию всю эту заразу?!

– Спрашиваешь, почему бог попустил беды на Россию и на мир? – пылливо глянул на пристава юродивый. – Не с целью ли исцеления болящих?

Олигарх тупо посмотрел на говорящих и блеснул-таки своей эрудицией: – Ещё Бисмарк говорил, что славяне сильны ограниченностью потребления! А на мой взгляд, он ошибся! Наши потребности – безграничны!

Фронтоник искоса посмотрел на говорящего: – Какие же вы славяне, инсургенты вы!

В доме раздавался храп уснувшего прямо за столом полицейского.

– И вообще, – приподнял фужер с недопитым первачом Мутин, – нам не нужны мыслящие люди, которые смогут задасться вопросом: почему всё так паршиво, и что можно изменить в лучшую сторону?

Словно бы желая разрядить очередную неловкую паузу за столом, молодой священник посмотрел на божьего странника: – В чём твоя вера, брат мой?

Улыбнувшись в самом себе, юродивый посмотрел на вопрошавшего.

– В чём вера моя? – буквально на глазах светлел лицом Андрей. – А разве не знаешь, брат мой возлюбленный, что Царствие Божие и Церкви Христовой внутри нас есть?! Вот идёт человек, неприметный такой, даже вовсе, скажем, непримечательный. А в нём веры, Духа Божия, того, которого снаружи и не видно, столько, что тысячу церквушек и монастырей перетянет запросто. Так-то вот, мой брат. А кого избирают сегодня в новую элиту свою, не сатану ли! И, может, хватит тлеть, может, пора и светить?! Впрочем, остерегайся соблазнов века сего, ибо даже бесы веруют и трепещут!

– Я согласен с тобой, брат мой, – робко молвил священник, – а что ты думаешь о выгорании в путях служению Господу Великому?

– Выгорании? – переспросил, не сразу поняв его, юродивый. – А разве можно выгореть в путях служения истине?

– А что скажешь о святости, брат мой, – осмелел совсем священник, – расскажи...

– На каких же весах взвесить святость твою? – отвечал ему странник. – Если скажешь, что ты свят, вмиг с Богом себя уравнишь захочешь, который один только свят, всё остальное многобожие языческое. Но если любишь Бога и людей, продай всё, что имеешь, сними последнюю одежду с себя и отдай нищему. Не только ты, но и дом твой да поступит так же! Иначе, о какой любви к Богу и человеку ты говоришь?! Поэтому брать будешь от людей то, что сам получить желаешь, ты, но не Бог!

– Это я понял, – согласился с ним настоятель и любопытствовал, – а что ты знаешь о пророчествах, предшествующих последнему дню Земли?

Юродивый мягко посмотрел на него: – Вот, время сие уже близко, при дверях, и шаги входящего уже слышны. А разве не знаешь ты от пророков, прежде живших и сказавших про последние времена, что если люди не остановятся и не образумятся от безумия своего, Великий Уравнитель, единый для христиан, мусульман, иудеев и прочих вер и народов,

уравнивает страны и города, вознёсшиеся друг над другом. Уничтожит современные Содом и Гоморру в стране северной, так, что одна в огонь сойдёт, а другую потоп погубит. И не будет одновременно на Земле и государства, которое пята свою горделиво возложило на народы иные, а иные народы Господь в своём святом гневе потрясёт и повергнет! И там, где земля была, вода будет! И молят святители земли русской и не только, и Патриарх молит о продлении времён, но не только от молитв их зависит продление, а от искупительных подвигов людей, которые, увы, иссякают... Да если и знаете об этом, то верите ли! И даже если вера ваша была в исполнении, как остановите гнев Господа неба и земли?! Не любовью ли, которой в вас нет!

От места, где сидел олигарх, донеслось какое-то зловоние и повеяло каким-то злоецим холодом. Посмотрев на него, люди увидели, что богачу резко поплошало: лоя невидимых крылатых чертей, он отгонял их, кричал и вопил от ужаса.

Внезапно олигарх подскочил к священнику: – Отец святейший, батюшка, освободи меня от чертей, совсем спасу от них нет!

Взяв Мутину за плечо, настоятель стал читать молитву, но, увы, нечистый дух не сдавался и явно не хотел отдавать служителю церкви так понравившееся ему тело своей жертвы. Молча так встал Андрей-юродивый и, подойдя к иконе Девы Марии, аккуратно и с любовью взял её в руки и подошёл к беснующемуся страдальцу. При подходе к олигарху как-то вдруг неожиданно и внезапно икона со святым ликом полыхнула ярким светом.

Такое бывает, когда одновременно зажигают множество сверхярких прожекторов.

– Дотронись до иконы, – властно приказал юродивый олигарху, – и молись!

Дрожащими руками Мутин попытался прикоснуться к ней, как тут же отдернул свои пальцы от сияющей ослепительным светом иконы.

– Жжёт, жжёт, – плакал богачей, – не могу прикоснуться!

– Это потому, что бес в тебе, – сурово посмотрел на него божий странник, – молись, как знаешь!

И посмотрел на олигарха, властно спрашивая: – Как тебе имя, дух зла?

– Имя мне – легион, – раздался злоеций, явно не человеческий голос, словно бы исходящий из чрева олигарха, – и нас много, все как один едины!

– Изыди, нечисть, из сего тела! – грозно приказал юродивый. – Изыди!

С этими словами он подошёл ещё ближе к богачу, поднося к нему светоносную икону. Словно бы не выдержав света неведомой энергии, с пиджака олигарха, горя и тлея, спали его незаслуженные награды, и он, плача и смеясь одновременно, топтал их на полу своими ногами. Вдруг какая-то чёрная тень, подобная летучей мыши, вылетела изо рта олигарха и скрылась в подтопке русской печи.

– Всё, – с облегчением вздохнул Андрей-юродивый, – изгнан бес!

И посмотрел на олигарха: – Молись, сильно молись, брат мой, чист ты теперь, как дом подметённый! Не впускай больше эту нечисть в себя.

– Спасибо, – посмотрел на него протрезвевший Мутин, – сколько я тебе должен? Помог ты мне... Миллион... Миллиард? Любую сумму, только назови...

– Не нужно мне от тебя ничего, – улыбнулся странник, – а помог не я, а Бог, Он творит дела! А ты меняйся в покаянии своём, где можешь одарить – одари, где можешь спасти – спаси! Только не убегай от судьбы, от неё не убежишь!

С этими словами добрый странник поцеловал икону, поставил её на прежнее место и, трижды поклонившись ей, вышел из дома.

Потрясённые люди молчали: ещё бы, не каждый день видишь чудо рук Господних, не каждый!

В небе над Приречной плотной свинцовой стеной мрачно сгущались тучи...

– За что?! – плакал Всевышний, сотворивший род людской и землю. – За что...
В тёмных облаках над деревней сумрачно мелькали всполохи зарниц.

Снился ночью олигарху Мутину ужасный сон.

В нём сам Бог сурово спрашивал его: – На что ты свою бессмертную душу променял?!
На замки и дворцы на тропических островах, построенные на краденые деньги, на юных
любовниц?!!

И видел себя Мути в пламени огня неугасаемого, и грыз его червь великий и ужасный.
В ужасе проснулся олигарх от видения своего и горько плакал.

Наутро же нашли его спящим на полу под святой иконой.

Часть третья Спасти Зарю

С криками первых редких уцелевших петухов вставала деревня Приречная.

Пробуждение у олигарха Мутина было неприятным. Сильно болела голова после вчерашнего застолья, и самым неприятным фактом было то, что он помнил всё из вчерашнего дня, ну решительно всё.

Поэтому он подошёл к хозяевам дома и, заглядывая как-то по-собачьи им в глаза, извинительно улыбнулся: – Вы уж простите меня, окаянного, и забудьте то, что я вчера наговорил, потому что так перебрал, что жив насилу остался! Воистину, бес попутал. Особенно, ты, тётя Алёна, прости, каюсь, грешен.

– Да что уж говорить, – глянула на него понимающе Меленкова, – конечно, прощаю, только ты так не пей больше никогда, люди-то, они разные бывают, поостерегись, однако. Эвона, как тебя шаёт ещё и штормит...

– Ну а ты, Вячеслав Иванович, прощаешь грешника? – глянул на Меленкова олигарх. – Прости, а?

Посмотрев на покаянную физиономию олигарха-губернатора, фронтовик не выдержал и улыбнулся: – Ладно, сын Петров, повинную голову меч не сечёт. Но задумайся над своей жизнью, Саша, пожалуйста, задумайся. Ведь вправду говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Эх, инсургент ты наш инсургентович!

– Прощаете, значит, – радостно посмотрел Мутин на стариков и радостно улыбнулся.

– Прощаем, Саша, прощаем, – заулыбался Меленков. – Бог велел прощать, куда уж нам грешникам до его всепрощения. Только изменись, Саша, и жизнь свою измени!

– Обязательно изменюсь и исправлюсь, – пообещал олигарх и, отойдя от стариков, растолкал и разбудил спавшего за столом полицейского.

Отказавшись от предложенного завтрака, они на пару с Кораблёвым, слегка покачиваясь, словно от невидимого шторма, пошли к поджидавшей их «Заре».

И штормило их так, будто бы сам Сиверко-ветер с ледяной северной удалью и прохладой играл с ними.

В это же раннее утро проснулись и в доме Святогорова. Разбудив пристава Новоторова, спавшего на диванчике, капитан Святогоров, не торопясь, приготовил приставу и себе утренний завтрак.

– Ну, как, служивый, – сочувственно смотрел на Новоторова капитан, – не болит голова после вчерашнего? Я-то деревенский, и не к такому привык.

– Болит, ох как болит, – отвечал Валентин Петрович, – спасу нет, гудит, окаянная!

– Ну, это мы вмиг поправим, – усмехнулся Анатолий Иванович и, доставая банку с ядрёным деревенским рассолом, щедро плеснул целительную жидкость приставу и себе в большие гранёные стаканы, – поправляйся, Петрович, эта штука быстро тебя на ноги поставит, целебная она, на травах здешних. Матушка-то моя травницей была, от неё я многому научился.

Действительно, выпив по паре стаканов волшебного напитка, Новоторов и Святогоров почувствовали себя полностью протрезвевшими и здоровыми. Уплетая деревенскую яичницу с колбасой под пение утренних петухов, победоносно прославлявших рассвет божий, наши герои дружелюбно посматривали друг на друга.

Перед тем как выйти на улицу, пристав остановил капитана «Зари».

– Слушай, Анатолий Иванович, – пытливо заглядывая речнику в глаза, сказал Новоторов, – ты уж меня прости за вчерашнее.

– За что? – не понял собеседника капитан. – За что прощать-то тебя? Всё ладом.

– Ну, как за что? – удивился Новоторов. – За то, что я вчера всё имущество твоё описал и арестовал!

– А-а, ерунда, – отмахнулся как от назойливой мухи Святогоров, – служба у тебя такая, понимаешь.

– Да, служба... – как-то расстроился пристав и неожиданно для себя предложил, – а знаешь, Анатолий Иванович, порву я сейчас все эти бумажки к едрене фене, ну, ей-богу, порву, потому как вижу, что ты настоящий мужик! А я в жизни не подличал и подличать не буду!

– Я тебе порву! – погрозил ему кулаком Святогоров. – У каждого своя служба! У меня вот – пассажиров навроде тебя по реке катать, у тебя – должников к ответу призывать! А то, что я должен, то нешто я не понимаю, что должен! И платить по счетам жизни я буду, пусть даже в них не виноват! А ты не суйся, не твоё это дело, брат, не твоё, но как говорят в спорте – за попытку спасибо. Большое спасибо тебе от меня, брателло Валентин свет Петрович!

Так и не придя к общему знаменателю, они вышли из дома Святогорова и пошли к реке. За речным капитаном, не торопясь, шёл пристав Новоторов, держа в руках заветную папочку с описью арестованного имущества и дома так неожиданно приобретенного друга.

Вскоре из-за деревенских домов голубой лентой блеснула красавица река. На травянистом берегу реки Сухоны их поджидала белоснежная красавица «Заря», над которой летали чайки.

Подойдя к теплоходу, капитан Святогоров шутливо крикнул: – Экипаж, подъём! Свистать всех наверх!

Из «Зари» показался моторист Бубенцов, который спросонья зевал и протирал заспанные глаза.

– Ну как, Серёжа? – посмотрел на коллегу по речной службе капитан Святогоров. – Рапортуй, как дела на судне, движок починил? Моя помощь нужна?

– Ох, капитан, – посмотрел на него моторист, – возился с ним, окаанным, едва ли не до ночи! Практически починил, осталось там по мелочам совсем немного, сам справлюсь. Сейчас позавтракаю и доделаю. Постараюсь побыстрее, Иваныч, ты же меня знаешь.

– Знаю, Серёжа, знаю, моторист ты от бога, – улыбнулся капитан, – только делай быстрее. Пассажиры ведь ждут, а мы на бережку подождём.

Ну раз такое дело, сели на бережок капитан с приставом и стали ожидать завершения ремонта. К этому времени к ним подтянулись и тоже сели отдыхать олигарх Мутин с полицейским Кораблёвым. Чуть позднее подошёл священнослужитель, также направлявшийся в Вологду по делам своего прихода. Немного погодя подошёл к ним и Андрей-юродивый. Как вы понимаете, беседа после вчерашнего застолья не ладилась и не клеилась, лишь изредка люди посматривали с уважением на божьего странника, словно бы пришедшего проводить их в дальний путь.

Солнце припекало уже не по-утреннему, поэтому дневной зной, треск кузнечиков в траве и ласковое дыхание реки убаюкивало всех. Священник с какой-то теплотой в сердце, впрочем, как и остальные, посматривал на ребёнка, играющего на речном плоту, на котором местные бабы бельё стирают. Видимо, отпустила своего сынишку его мамочка погулять, расслабилась.

Вдруг истошно как-то завопила, закричала молодая мать мальчика. И, действительно, посмотрев на воду, ни священник, ни ожидающие рейса пассажиры не увидели на плоту ребёнка.

Утоп, шалунишка!

Находящиеся на берегу охнули и застыли в растерянном изумлении. Хотел, было, дёрнуться к воде священник, и вдруг что-то словно бы остановило его. Он посмотрел на своё новое церковнослужительское одеяние, свою новёхонькую рясу: как такую замочишь, коли он к самому владыке митрополиту собрался!

Из всех собравшихся не помешкал лишь Андрей-юродивый. В своей одежке, как был, бросился божий странник в воду прямо с этого плотика, как говорится, с головой.

На какое-то мгновение на речном берегу зависла тихая в своём ужасе тишина. Водная гладь была безмолвна.

Вдруг показалась из глубины речной рука Андрея-странника, которая с силой, видимо, последней, вытолкнула ребёнка на плот, да вот под воду и ушла. Подбежавшие люди привели в чувство спасённого ребёнка и отвели прочь его, плачущего, от этого опасного места.

А где же Андрей?

Лишь только чайки летали над водой и кричали свои поминальные грустные-грустные песни.

Где же ты, Андрей?

А нет его более, утоп, бедолага!

Пока шумели и галдели люди на берегу, которые, крича, что-то пытались доказать или рассказать друг другу, плакал наш священник горькими слезами.

Плакал и молился, молился и плакал.

– Ты прости меня, брат Андрей, – стоя на коленях перед рекой, рыдал наш священнослужитель, – и молись за меня, опоздавшего, и всех нас, многогрешных. Каюсь, каюсь, перед тобой и Господом нашим! Прости меня, брат, прости... И ты, Господи, в милосердии своём и любви, прости и помилуй всех нас, согрешивших!

Из «Зари» выглянул радостный моторист Бубенцов: – Сделал я, капитан, всё исправил!

Увидев на лицах людей смятение и горе, удивлённо спросил у Святогорова: – Что произошло, капитан?

Посмотрев на речника, капитан теплохода горестно вздохнул: – Только что на наших глазах, спасая ребёнка, погиб настоящий человек, каких мало сейчас. Андрей погиб, странник божий...

И сокрушённо посмотрел на воду.

– Да-а, – протянул Сергей Бубенцов, – место здесь глубокое, да и течение подводное на Сухоне сумасшедшее, не достать уже...

Тем не менее, опомнившиеся мужички баграми и «кошками» – верёвками с якорьками на концах, взятыми с теплохода, долго и безуспешно пытались выловить тело погибшего святого человека.

– Нет, капитан, – выдохнул пристав Новоторов, с усилием достающий из воды свой багор, – не достанем, и, правда, течение здесь под водой сумасшедшее, аж багор из руки вырывает!

– Ладно, – коротко ответил капитан, доставая свою «кошку», – ребята, отбой, не достать его!

Постояв в почтительной и поминальной тишине пару минут, уважительно смотря на безмолвную воду, пассажиры по команде капитана Святогорова прошли на посадку в «Зарю».

– А что же бедолага? – спросил олигарх Мутин у капитана, – как его искать? Если надо, я любые деньги заплачу, все свои связи подниму, но найду!

– Да кто его сейчас найдёт, – сокрушённо ответил капитан «Зари», – никто не найдёт, пока сам не всплывёт, а это может быть ой как далеко от этого места.

– Но надо же искать! – искренне недоумевал и сокрушался губернатор Мутин.

– Такого человека потеряли, настоящего!

– Найдём, обязательно найдём, – заверил собеседника Святогоров и мысленно улыбнулся: «Неужели человеком стал наш олигарх-губернатор? Воистину, чудны дела твои, Господи!»

Дав над рекой словно прощальный салют, длинный продолжительный гудок-сирену, белоснежная «Заря», пеня воду, осторожно сползла с травянистого берега, развернулась в сторону областного центра и, набирая обороты, белой чайкой полетела в свой путь.

Как-то незаметно сморила дневная жара и быстрый бег «Зари» многих пассажиров, которые, не спеша, погрузились в объятия Морфея.

Спал и наш священник, и снилось ему, как погибший Андрей, подошедший к нему, говорил с легким укором, полным любви и милосердия: – Что, Олег, одежду свою пожалел и душу свою сберёг для себя. А что же ты оставил мне?!

В ужасе и трепете великого горя, сокрушаясь, смотрел наш Олег на Спасителя, потому что уже не Андрей смотрел на него, а Христос.

«Зарю» заметно тряхнуло.

– Ерунда, капитан, – усмехнулся моторист Бубенцов, – на бревно-топляк наскочили! Для нашей «Зари» это не препятствие.

– Ладно, Серёжа, – ответно улыбнулся капитан Святогоров, – к детскому оздоровительному лагерю «Чайка» подходим, вон, сколько детворы нас ждёт. Даю сирену!

Взвыв сиреной, «Заря» величаво подходила к пристани-барже с плакатом на ней: ДОЛ «Чайка». Пристав к барже, Святогоров отмахивался руками от наседавшей на него директрисы детского лагеря, тоже, кстати, землячки из Приречной, Ирки Селезнёвой: – Ну не могу я взять всех, Ириша! Ты посмотри, у меня уже с десяток пассажиров в салоне, а у тебя не меньше восьмидесяти детей.

– Восемьдесят два ребёнка, – уточнила для порядка Селезнёва, – да ты возьми их, Анатолий Иванович. Сам понимаешь, смена их закончилась, их уже в Вологде родители на речном вокзале заждались, а отсюда на Вологду один путь – на «Заре».

– Ладно, Ириш, уговорила, – подняв руки вверх, сдался капитан, – сади своих молодогвардейцев в салон. Да, из провожатых кого дашь? Одних детишек без воспитателя нежелательно на борт брать, сама понимаешь, дети есть дети, мало ли что!

– Так сама и поеду, – улыбнулась Селезнёва, – да и дела у меня в Вологде.

– Вот и ладно, – одобрил капитан, смотря, как детишки быстро заполнили его теплоход. Отойдя от «Чайки», наша «Заря» взяла свой курс на областную столицу.

В очередной раз днище теплохода сотряслось от тупого удара бревна-топляка.

– Странно, Серёжа, странно, – удивлённо посмотрел капитан на Бубенцова, – что-то подозрительно много топляка!

– Согласен с вами, Анатолий Иванович, – кивнул ему головой речник, – подозрительно всё это.

Да, на реке неожиданно всё чаще и чаще стали попадаться не только топляки, но и брёвна, не успевшие ещё затонуть, превратившиеся при этом в своеобразные ловушки.

– Что-то много топляка и брёвен пошло, Серёжа, – озабоченно посмотрел на моториста Святогоров, – непонятно всё это.

– Да, капитан, непонятно, – согласился с капитаном Бубенцов.

Внезапно от реки опухло какой-то далёкой гарью. К своему ужасу капитан увидел, как у него по правому борту абсолютно никем не ведомые, рассыпаясь буквально у него на глазах, дорогу назад преградили большие плоты-боны. Летящая на всей скорости «Заря» продвигалась вперёд, лавируя между брёвнами неведомо откуда взявшихся рассыпающихся плотов. Было видно, что освобождённые от ранее связывавших их тросов, связки плотов мокрыми рассеянными спичками плыли по реке. Днище «Зари» постоянно содрогалось от невидимых ударов брёвен-топляков.

– Да, командир, – прокричал капитану Бубенцов, – попали мы с тобой в заваруху, смотри, какая катавасия, и обратно не повернёшь!

– Ничего, Серёжа, прорвёмся, – успокаивал речника капитан, – на нашей «Заре» мы всё преодолеем и пройдем. Надеюсь я, дальше будет лучше.

Но нет, дальше было хуже!

Запах гари и огня чувствовался всё больше и ближе. Заметив спереди перегородившую всю реку узкую плотовую обонувку, так называемого «ерша», шириной около метра, зацепившуюся за небольшой речной остров посередине реки, капитан резко сбавил ход теплохода. Ужасаясь, капитан увидел, как по правому борту горели брошенные экипажами два речных тягача «РТ», которые, видимо, и вели все эти рассыпавшиеся плоты. Топливо и масло, вытекшее из горящих тягачей, только придавало силы зарождающемуся чудовищному костру.

Святогоров связался по радиостанции с портом: – ЧП у нас, Михалыч! У меня борт, полный детей, а близ Раменья два «РТ» горят, помощь высылайте, все пути и вперёд и назад перекрыты рассыпавшимися плотами!

– Спасай детей, Иваныч! – отозвался по рации диспетчер Михалыч. – От капитанов «РТ» был доклад, что повреждён газопровод на реке, из-за чего и полыхнули наши речные тягачи. Экипажи спасены. Вертушка у нас «МИ-8» в вашем районе, направляю к вам! Спасай детей, капитан, не знаю, как, но спасай!

– Вот что, Михалыч, – сухо ответил по рации Святогоров, – назад пути у меня нет, спереди путь закрыт, буду на берег детишек высаживать...

Не успел он договорить этих слов, как реку потряс чудовищный взрыв. Левый и правый берега реки полыхнули в пламени огромного адского костра.

– Газ рванул, капитан, – побелевшими губами прошептал моторист Бубенцов, – всё, хана нам, Иваныч, приплыли...

Святогоров глянул на побелевшее лицо своего помощника.

– Прорвёмся, Серёжа, – подбодрил его капитан, – на нашей Зорьке прорвёмся, выручит она нас.

– Смотри, Иваныч, – ужаснулся моторист, – река загорелась!

Посмотревший вокруг себя, капитан побледнел: горели уже не только брёвна, но и как в каком-то страшном чудовищном сне воспламенилась и река. Густой чёрный дым от пламени страшного костра клубами поднимался до самого неба, мешая дышать и смот-

реть на эту страшную, как в фильме-катастрофе, картину. Как сухие спички, прямо на воде горели брёвна.

В салоне плакали дети.

– Так, Сергей, – глянул на Бубенцова капитан, – пристаю к островку, видишь, на нём обонька повисла. Высаживаю детей и всех пассажиров, их у нас около ста. Сам отойду и буду прыгать через обоньку, если не получится, один сгорю! Ты, если что... веди детей на берег, хоть и горит он...

– Не получится, капитан, – коротко посмотрел на Святогорова моторист, – боюсь я, Иваныч...

– И я боюсь, Серёжа, – просветлел лицом капитан, – боюсь, а делать надо, детей надо спасать... любой ценой... В общем, за старшего ты, Серёжа...

Пеня воду, обходя горящие брёвна, идя по кипящей пылающей воде, разрывая воздух своей сиреной, «Заря» подошла к небольшому речному острову посреди реки, на котором застряла и повисла бревенчатая обонька, безнадежно перекрывшая всю реку от правого до левого берега.

– Выходим, ребята, выходим, – командовали капитан и моторист, выводя людей на остров, – спокойно, всё будет хорошо!

– Куда вы нас выводите?! – заорал истошно так олигарх Мути́н. – Везде огонь, я жить хочу! Любые деньги, всё отдам, лишь бы жить!

Не выдержав, капитан схватил Мутина за его рубашку: – Тише, шкура! Дети везде, не пугай их! Если человек хоть немного, детей помогай спасать!

Куда там!

Выскочив из «Зари», олигарх вместе с сопровождавшим его полицейским Кораблёвым, бросился бежать по горячей обоньке, направляясь к левому берегу, который чадил сухим дымом ужасного костра.

«Жить, жить!» – только одна мысль билась и стучала в голове олигарха. – «К чёрту вас всех, ваших детей, ваши порядки и всю вашу обдолбанную Россию! Только жить!»

За ним трусливо бежал подполковник Кораблёв, выбравший для самого себя единственно правильное решение – жить и спастись любой ценой!

В это время продолжалось спасение детей и эвакуация их на остров. Вместе с Бубенцовым, Новоторовым и Селезнёвой активно помогал в спасении детей и наш священник, ряса которого уже изрядно загрязнилась от копоти чадающего огня. Коротко и презрительно посмотрев на сбежавших дезертиров, капитан закончил высадку детей и взрослых пассажиров на остров под командой Бубенцова. После чего напозавшая на остров «Заря», взыв сиреной, плавно отошла задним ходом от него и, пеня воду, на самом малом вступала в бушевавший позади неё огонь. Смотри, как его «Заря» входит в огненное пламя чудовищного и дымного костра с ужасающим запахом гари и газа, капитан почувствовал, что он теряет сознание. Пары газа и копоть мешали дышать и буквально забивали лёгкие, но надо было делать то, что мог сделать он, и только он.

Он – капитан «Зари»!

В это время случилось страшное: теплоход зацепился за канат одного из погибших речных тягачей и застопорил свой ход в пламени реки, воспламеняясь при этом.

В небе раздался гул от мощного вертолётного винта, и люди на островке увидели, как к ним стремительно приближается спасательный вертолёт «МИ-8». Люди обрадовано смотрели вверх, на вертолёт, как на своё единственное спасение.

Как вдруг, буквально из самой реки, вырвался раскалённый столб огня и ударил по низко летящему вертолёту. Как спичка полыхнул «МИ-8» и, неуклюже падая набок, ударился и взорвался на огненной глыбе, ади полыхающей воды.

Люди охнули.

Разбившийся об воду и взорвавшийся вертолёт раскалённым обломком своего винта ударил прямо в грудь стоящего на острове священника, с молитвой воздевшего руки вверх.

Служитель церкви умер моментально, и душа его изошла из тела.

И вдруг какой-то свет ослепил душу священника, и он увидел, возвращаясь в себя, незнакомого ему мальчика, вероятно, из числа пассажиров «Зари».

Лицо малыша светилось ярче солнца небесным светом, и невозможно было даже лицезреть его Пресветлый Божественный Лик.

Дотронувшись до плеча настоятеля, он молвил лишь одно: – Смотри!

И открылись глаза у священнослужителя, и ожил он.

Видел он, как Андрей, странник Божий, идя, как Христос, по пылающей воде как посуху, одним движением освободил теплоход от зацепившего его каната. Видел, как из пламени огня реки вылетел чудовищный чёрный, шипящий как змей древний дракон и атаковал святого Странника, пытаясь его поразить.

Как вдруг преобразился Андрей, и вот уже не Андрей, а Христос в сияющих ангельской красотой одеждах воспарил над рекой, и дракон последовал за ним.

И произошла между ними битва.

Но не устоял дракон, и поражённый щитом святости Христовой упал в огненную лаву реки и исчез, сгинул там, в парах собственного зловония и злобы.

Вмиг вернулось вместо духовного обычное зрение к священнику. Посмотрел он вокруг, ища божественного ребёнка, но нет, какое там, все дети как дети, да и лица ребёнка того не запомнил настоятель.

И видел священник, впрочем, как и все стоявшие на островке, как полыхающая огнём «Заря», набирая скорость, словно белокрылая птица, перелетела и перепрыгнула обновку-ловушку и на самом малом подходила к их островку.

Внезапно на небе произошло какое-то волнение: раздалась Гласы, и сверкнули молнии. И внезапно с неба ласковым летним дождём пролилась божественная музыка, звучащая на одной единой прекрасной ноте и услышанная многими.

И пошёл тут сильный ливень, вмиг потушивший «Зарю» и всё вокруг, и над рекой небесным стягом растянулась вдруг победоносная радуга, словно бы заглянувшая каждому из спасённых ему в душу.

Теплоход медленно вполз на островок.

Пошатываясь и глотая воздух, как пойманная рыба, капитан Святогоров скомандовал людям на посадку. Посмотрев на капитана, пристав Новоторов, глянув на служебную папку, с каким-то внутренним облегчением достал из неё служебные бумаги и, изорвав их, бросил вместе с папкой в тёмную воду и как-то радостно вздохнул и улыбнулся.

«Уволюсь», – думал и тихо радовался своему решению Новоторов, – «вот ей-богу уволюсь, тошно мне всё это и противно!»

Поспешно посадив детей и взрослых на теплоход, капитан плавно повёл свою «Зарю» к недалёкой уже Вологде.

Подошедший к Святогорову моторист Бубенцов, глянув на осунувшееся, побледневшее лицо капитана, сочувственно произнёс: – Как ты, Иваныч?

– Всё нормально, Серёжа, – посмотрел на помощника каким-то отсутствующим взглядом капитан, – иди, успокой детей, до Вологды рукой подать.

– Хорошо, командир, сделаю, – улыбнулся моторист и уважительно посмотрел на Святогорова, – а ты всё-таки настоящий мужик, капитан, спасибо тебе за всё.

– Иди, Серёжа, иди, – тихо так улыбнулся капитан, – к пассажирам иди, говорил тебе, что всё будет хорошо. Вот, слава Богу, и сбылось это.

Ещё раз с уважением посмотрев на капитана, моторист прошёл в пассажирский салон.

В это время избежавшие огня олигарх Мутин и полицейский Кораблёв шли по болоту, сиротливо окружённому редким кустарником.

– Что я тебе говорил, Денис, – воодушевлённо говорил олигарх, – держись меня, и всё будет в порядке. Вернёмся в Вологду, я найду, как и чем вознаградить тебя! Жаль, когда бежал от огня, свой мобильник с навигатором посеял. А то бы уже давно на вертолёте в Вологду летели.

– Спасибо, господин губернатор, – преданно так, по-собачьи посмотрел на олигарха Кораблёв, – я не брошу вас, служба у меня такая!

– Со мной будешь жить! – радостно говорил олигарх. – К ордену тебя за моё спасение представлю, бабла отвалю – внукам хватит, ну и генералом сделаю, конечно!

– Спасибо вам, – поглядывал собачьим взглядом на олигарха полицейский, – вы меня знаете, вас я не оставлю в беде.

– Ты молодец! – одобрительно посмотрел на полицейского олигарх. – Не то что этот дурачок – капитан «Зари»! Детей вздумал спасать, дубина стоеросовая, как они отблагодарят его, дети-то?! Родители у них нищетоходы, только на водяру и могут скинуться. То ли дело я, тебя награжу по-царски...

Внезапно к вящему удивлению для себя олигарх провалился по пояс в бездонную яму трясины, которая, жадно чавкая, стала засасывать свою жертву.

– Денис! – заорал испуганно олигарх. – Спаси меня, дай руку мне, видишь, гибну!

– Нет! – отшатнулся в сторону полицейский, в голове которого промелькнули его чистенькие поросятки с индюками, сулящие тихую обеспеченную старость. – Извини, губернатор, мне своя жизнь дороже!

С этими словами подполковник стал обходить погибающего Мутина.

– Стой, куда ты! – плакал олигарх, которого всё сильнее затягивала трясина. – Вернись, слышишь?! Я тебя генералом сделаю... миллион долларов... миллиард дам!

– Нужны мёртвому твои баксы и звёздочки, – презрительно усмехнулся полицейский, – я жить хочу, ты меня слышишь, губернатор, жить! А на остальное мне наплевать!

Но не успел он пройти и пару шагов, как сам ухнул в такую же бездонную яму трясины, которая стала медленно пожирать и засасывать свою жертву.

– Я хочу жить! – плакал в бессильной ярости подполковник Кораблёв, в голове которого мыльными пузырями лопались и исчезали его поросятки и несбывшиеся надежды на долгую и спокойную жизнь. – Жить...

Ему вторил такой же вопль умирающего и захлёбывавшегося в зловонной жиже олигарха.

Долго ещё звучал над мрачным, холодным и равнодушным болотом этот истошный вопль. Но затем пропал и он.

Солнце светило на золотые и серебряные купола областной столицы, которые виделись издали и ласкали взор всем странникам, прибывающим в этот красивый древний город.

– Вологда! – сам себя обрадовал капитан.

И вдруг внезапно ему стало плохо: земля плавно стала уходить из-под его ног. И, завидев малолюдный городской пляж, последним усилием Святогоров направил свою «Зарю» на этот исчезающий из его глаз песчаник.

Опешившие люди на берегу изумлённо смотрели, как резко сменившая траекторию своего движения белоснежная и одновременно закопченная и обгорелая «Заря», подобно дельфину, выпрыгнула на песчаный берег их пляжа и застыла с работающим едва ли не на песке двигателем.

Над «Зарёй» тихо и плавно восстала в своём победоносном молчании разноцветная радуга, словно бы заглянувшая каждому из людей в его душу.

И был день похожий на утро, ибо просияла Заря.

Книга вторая Танк для Победителя

*Бессмертному подвигу советского народа в годы Великой
Отечественной войны посвящается*

Бессмертный экипаж

Основана на реальных событиях

Никто не забыт, ничто не забыто!

*Тебе, неизвестный солдат Великой Отечественной Войны,
посвящается*

На опушке леса, сотрясая землю своими гусеницами, появился танк.

Чихнув двигателем, он остановился. Звонко открылся башенный люк, и из тяжёлого советского танка КВ с номером 52 на башне вышел экипаж в составе шести человек.

Командир танка, он же командир 3-й танковой роты 4-го танкового полка старший лейтенант Трященко Иван Захарович, родом из Житомира, внимательно посмотрел на свой сборный экипаж. Вот взводный лейтенант, двадцати семилетний Габинский Яков Федосеевич, с Винницы, другой лейтенант светловолосый наводчик Ранцев Василий Петрович, ленинградец. Других бойцов командир знал не настолько хорошо. Вот тот, что поплотнее, механик-водитель, Ершов Павел из Пскова, рыжеволосый трансмиссионщик-радиист Смирнов Вячеслав, темноволосый моторист-заряжающий Широков Николай.

Сборный танковый экипаж выходил из окружения.

Почему из окружения и почему экипаж был сборным?

Да потому, что на дворе стояло жаркое лето тысяча девятьсот сорок первого года, а именно двадцать третье июня. И хотя тёплое литовское лето в пяти километрах от города Расейняй в районе небольшой деревни Дайняй и могло радовать кого-либо, но только не экипаж грозного танка «Клим Ворошилов», только что вышедшего из боя.

Бой был суров, и некоторые из КВ были подбиты, поэтому-то уцелевшие танкисты и примкнули к борту 52, который также не избежал потерь.

Командир мог бы рассказать, как его экипаж в составе подразделения советских танкистов в первые же дни войны принял участие в уничтожении колонны вражеских танков, но говорить об этом было не с кем, да и незачем.

А сейчас его танк возвращался на соединение со своей воинской частью, правда вот в пути их КВ стал барахлить, в связи с чем и произошла данная остановка. Хотя, было похоже, что в очередной раз подвела трансмиссия.

– Ну что, Вячеслав, – обратился командир танка к трансмиссионщику Смирнову, – опять поломка по твоей части?

– Боюсь, что да, командир, – виновато посмотрел на старшего лейтенанта Смирнов, – слабое место у КВ, эта механическая трансмиссия!

– Посмотри, что можно отремонтировать, – строго посмотрел командир, – механик и моторист тебе помогут, только не затягивайте, ребята, война не ждёт!

Трященко отошёл в сторону, если бы не война, то поневоле залюбовался бы здешней природой, но настроение, увы, было не самое лиричное.

К нему подошёл лейтенант Ранцев Василий, исполняющий обязанности наводчика орудия: – Что делать будем, командир, и без доклада механиков ясно, танк в любой момент выйдет из строя, если уже не вышел!

Спустя некоторое время к командиру подошли механики. Посмотрев на их безрадостные лица, Трященко понял, что ему сейчас скажут.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился к нему трансмиссионщик, – не могу вас порадовать, посмотрели мы с ребятами и нашли неисправность, судя по всему в коробке передач полетел главный фрикцион сухого трения!

– Насколько это серьёзно, Вячеслав? – пытливо посмотрел на Смирнова командир, – говори всё как есть.

– Читайте, товарищ старший лейтенант, – с сожалением ответил подчинённый, – остались мы с вами без танка, до расположения подразделения он не дотянет, силёнки ему осталось максимум на один короткий бросок, и всё, остановится машина!

– Так, товарищи, – обратился к экипажу его командир, – ситуацию знаете, давайте посоветуемся, как быть дальше?

– Командир, – посмотрел на Трященко лейтенант Ранцев, – в танке практически полный боекомплект, можно, конечно, и взорвать его, а затем в пешем порядке искать наше отступающее подразделение, но сейчас идёт война, и я считаю, каждый снаряд, каждая пуля должны бить по врагу!

– Ты прав, Василий, – поддержал своего заместителя Трященко, – танк должен бить врага! Есть другие мнения, товарищи?

– Нет, – единодушно поддержал своего командира экипаж.

– Более того, – продолжил свою речь Ранцев, – считаю, что нужно ударить, когда по дороге пройдёт колонна противника. После чего, предлагаю занять и перекрыть дорогу, учитывая, что кругом болота и непроходимая местность, мы перекроем снабжение немецких захватчиков между городом и полевыми частями немцев!

– Товарищ командир! – в разговор вступил Николай Широков, – нас не объявят предателями и дезертирами? Может быть, стоит отступить и поискать наши части?

– Эх, боец, – грустно улыбнулся Трященко, – дай некоторым волю, так они аж до Москвы отступили бы! Вот что, слушай боевой приказ! Наша Родина там, где мы стоим, и ни пяди своей земли мы захватчикам не отдадим! Драться будем здесь, и столько, сколько нам позволит наш долг и совесть! Родина у нас одна, и сдавать мы её своим отступлением не будем, никогда и никому! Приказ ясен?!

– Ясен, товарищ командир, – с извиняющейся улыбкой посмотрел на Трященко танкист, – вы только не думайте плохо обо мне, я не трус, просто я боялся, чтобы нас не посчитали предателями и дезертирами!

– Да разве такое возможно, товарищ боец, – укоризненно посмотрел на подчинённого старший лейтенант, – Родина нас не забудет, как и мы её!

– Так, а теперь разведать обстановку, при обнаружении телефонных проводов противника, уничтожать их, – командовал Трященко, – поскольку должна у них быть связь. На разведку местности выходят Ранцев и Габинский. Старший группы – лейтенант Ранцев. Механикам продолжить, по возможности, ремонт танка.

– Есть, товарищ командир! – улыбнулся Ранцев, и они пошли на проверку и обследование местности.

Впрочем, через пару часов офицеры вернулись, и старший группы радостно доложил командиру, что ими были обнаружены и уничтожены немецкие телефонные провода.

– Молодцы, ребята, – похвалил Ранцева и Габинского командир, – скоро они зашевелиятся!

– Товарищ командир, Иван Захарович, – обратился к старшему лейтенанту Ранцев, – в танке кончились припасы, сухой паёк на исходе, разрешите быстренько отлучиться до близлежащей деревни, местные помогут нам с едой.

Трященко понимающе улыбнулся, зная истинную причину похода лейтенанта за провиантом.

– Ладно, – миролюбиво согласился командир, – одна нога здесь, другая там, тем более уже вечереет, по темнянке немчура не ползет.

– Спасибо, командир, – уважительно посмотрел на ротного Ранцев и довольно-таки быстро удалился в нарастающей тьме по направлению к деревне.

Были причины торопиться у лейтенанта Ранцева, были!

По той простой причине торопился наш Василий, потому что жила с недавних пор там его сердечная зазноба – Настя Найдёнова, его Настёна, как он ласково её называл.

Правду говорят, что у любви есть крылья, потому как не иначе, как на крыльях любви, довольно быстро пришёл к своей Насте её Василий.

– Василий? – открывая дверь на его стук, удивилась Настя, – Ты здесь, какими судьбами, ведь война же, я уже и не чаяла тебя встретить живым! Что стоишь, проходи, рассказывай.

С радостной улыбкой, Ранцев зашёл в дом своей любимой.

...Время, проведённое с любимой, пролетело незаметно.

Уже прощаясь, и целуя её, Василий сказал: – Под утро мы уйдём в расположение наших частей, не печалься, родная, и не ищи нас, жди нас с победой!

Сказал это, потому что боялся, что Настя будет искать его.

Уходя к танку, Ранцев ещё раз с любовью посмотрел на свою Настёну и, придерживая вещевой мешок, наполненный продуктами, которые собрала для них девушка, вышел из дома.

Придя по утренней зорьке к танку, лейтенант не обнаружил к счастью, никаких перемен: КВ мирно стоял на опушке леса, у самой дороги.

– Экипаж, подъём! – постучал он по люку, – кухня прибыла!

Люк открылся и из танка вылез командир.

– Ну как, Ромео, – с хитрецей посмотрел на Василия старший лейтенант, – дела на любовном фронте? Надеюсь, лучше, чем у нас? Танк мы так и не починили, трансмиссия полетела... Теперь разве что до дороги доехать, и всё!

– Продукты я принёс, командир, – приподнял тяжёлый вещмешок Ранцев, – с голоду теперь точно не помрём...

– Это точно, – улыбнулся Трященко, – с голоду нам смерть точно не грозит!

Проснувшийся экипаж разбирал нехитрую крестьянскую снедь, собранную Настей.

Позавтракав, и отложив остатки продуктов на запас, командир выставил в наблюдение бойцов, а сам с механиками вновь попытался отремонтировать так некстати сломавшуюся трансмиссию.

Быстро светало.

В лесу, словно бы и не было войны, беззаботно щебетали птицы, встречая вместе с всходящим солнцем третье утро войны.

– Командир! – к танку подбежали выставленные наружные наблюдатели, – Со стороны Расейная идёт колонна машин!

– Экипаж, – крикнул старший лейтенант, – к бою! Приготовится к атаке!

Бойцы занимали в танке свои штатные места, готовя машину к последнему броску.

Действительно, со стороны города по дороге шла большая колонна из двенадцати тяжело гружёных немецких машин, которую сопровождали два броневика боевого охранения.

– Ну что, товарищи! – раздался в танке по внутривнутрипереговорной связи голос командира, – за нашу советскую Родину, за Россию, вперёд!

Танк, грозно лязгнув гусеницами, как сокол, повергающий свою жертву, выехал с опушки и устремился в сторону вражеской колонны!

Ужасу немцев не было конца, когда на дорогу выехал грозный советский танк и, стреляя одновременно из пушки и пулемётов, принялся огнём и гусеницами уничтожать немецкую колонну.

Прошло совсем немного времени, как вся вражеская колонна, полностью разбитая, пылала огнём и чадила удушливым дымом.

Русский танк, закончив своё победоносное дело, пару раз чихнув двигателем, остановился, как вкопанный, на дороге, на этот раз, навсегда.

– Всё, командир, – невесело доложил трансмиссионщик Смирнов, – отъездили своё, отслужила своё «кэвэшка».

– Ничего, бойцы, – приободрил экипаж командир, – наша битва ещё впереди, теперь чаще башней надо крутить, чтобы не подобрался немец.

Подчиняясь электромотору поворота, башня КВ стала медленно поворачиваться, ища противника.

– Никого, командир, – доложил наводчик орудия и не удержался, – а всё-таки мы их сделали красиво!

– Так впредь и держать! – одобрил своих боевых друзей их командир, – Держитесь, ребята, верю я, что помощь не за горами. Просто первый немецкий удар был таким внезапным! Должны наши оклематься и погнать врага везде, верите мне?

– Да, командир, – дружно отозвался экипаж, – иначе и быть не может!

В это же самое время в штабе боевой группы вермахта «Зекендорф» шестой танковой дивизии, полковник Эрхард Раус получал разнос от генерал-полковника Эриха Гёпнера.

– Господин полковник! – раздражённо смотрел на Рауса генерал, – В чём дело? Мне поступил доклад, что наше наступление сдерживает один единственный советский танк! Им только что была уничтожена наша колонна из двенадцати грузовиков со снабжением и два броневика охраны!

– Не могу знать, господин генерал, – нахмурился полковник Раус, – сообщения поступили только что! Экипажем танка, кроме уничтожения нашей колонны, были повреждены телефонные провода, связи со штабом дивизии нет! Кроме этого, танк ведёт прицельный огонь по нам и по городу.

– Какие меры приняты для немедленного устранения этой занозы? – жёстко посмотрел на полковника генерал, – Вы со своими подчинёнными срываете планы наступления дивизии, вы хоть это понимаете?!

– Так точно, понимаю, господин генерал, – согласился Раус, – разрешите доложить! Мной приняты следующие меры: третья батарея истребителей танков лейтенанта Венгенрота заняла свою позицию, подключена батарея ста пятидесяти миллиметровых гаубиц, рота лейтенанта Гебхардта минирует дороги, танковый батальон майора Шенка готов к контратаке!

– Избавьте меня от ваших подробностей, – небрежно махнул рукой генерал, – приказываю вам лично заняться уничтожением этого танка! Или вы хотите, чтобы я занялся этим?!

– Никак нет, господин генерал, – обиделся полковник, – сегодня же этот танк будет уничтожен! Разрешите идти, господин генерал?

– Да, идите – посмотрел на него Гёпнер, – жду вашего доклада!

Отдав армейское приветствие, то есть козырнув, а не вскинув руку в партийном жесте, полковник Раус вышел из штаба, намереваясь лично выехать и руководить войсковой операцией по уничтожению, так некстати перекрывшего снабжение и наступление дивизии, русского танка.

Проводив взглядом Рауса, Эрих Гёпнер задумался: один-единственный танк противостоит силам немецкой дивизии, находясь по сути в тылу врага.

Странные, странные эти русские! Неужели они так рьяно исполняют приказ своего командования?! Впрочем, приказы необходимо исполнять!

Да, не знал генерал, что он сам в тысяча девятьсот сорок втором году за неподчинение приказу Гитлера будет лишён абсолютно всего, а восьмого августа тысяча девятьсот сорок четвёртого года по приказу этого же Гитлера будет казнён – повешен в тюрьме Берлина как активный участник заговора против их бесноватого вождя.

В это время наши танкисты находились в раскалённой от жаркого летнего солнца башне КВ, который по-прежнему стоял на дороге, и гадали, какие ещё пакости и неприятности готовят для них немцы.

Внезапно на дороге, направляясь в город, показался немецкий грузовик, перевозящий захваченных в плен бойцов Красной Армии. Заметив советский танк, немецкая машина остановилась как вкопанная.

– Командир, смотри, пленных перевозят, – оживился наводчик лейтенант Ранцев, – что делать, Иван Захарович?

– Спокойно, Василий, спокойно, – был невозмутим их командир, – дайте над головой машины пару очередей из пулемётов! Только аккуратней, наших не заденьте!

В танке ожили, открыв огонь над крышей грузовика два танковых пулемёта Дегтярёва ДТ-29: тот, что был спарен с орудием и курсовой, кормовой ДТ-29 молчал. Было видно, что военнопленные разбегаются из машины, уходя в лес. Добившись своей цели, пулемёты замолчали.

Спустя некоторое время экипаж обнаружил, что немцы не оставили их в покое: было видно, как оккупанты подтаскивали по лесной местности к ним целую батарею пятидесяти миллиметровых противотанковых пушек, состоящую из четырёх орудий.

– Ну что, командир, – грустно спросил механик-водитель, – кажется, отвоевались? Сейчас выйдут на дистанцию прямого попадания и будут жечь нас! Может, пугануть их?

– Не робейте танкисты, – взбадривал свой экипаж командир, – мы ещё своё слово не сказали. По стрельбе – отставить! Подпустим их на максимально близкое расстояние, и ударим! А сейчас пусть думают, что экипаж бросил танк и наш КВ пустой.

Грозный КВ стоял посередине дороги и молчал, действительно создавая впечатление, что экипаж давно уже покинул его.

Прибыв на место, полковник Эрхард Раус действительно убедился и лично увидел, что мощный советский КВ одиноко стоял в центре дороги, и было видно, что он либо повреждён, либо брошен экипажем.

С точки зрения немецкого офицера данный танк представлял собой идеальную мишень, и надо было быть безумцем, чтобы оставаться в этом обречённом одиноком русском танке. К Раусу подбежал вызванный им лейтенант Венгенрот и, отдав ему воинское приветствие войск вермахта, застыл в ожидании.

– Господин лейтенант, – ответно отдал ему приветствие полковник, – вам ставится особо важная задача: вашей батарее незаметно приблизиться к русскому танку и уничтожить его! Выберите самых отважных солдат и исполняйте!

– Будет исполнено, господин полковник, – вытянулся по стойке смирно лейтенант, – разрешите исполнять?

– Сделайте это, – махнул ему рукой полковник, – генерал-полковник Гёпнер ждёт моего доклада!

Получив приказ, лейтенант Венгенрот удалился для его исполнения.

С интересом полковник Раус наблюдал, как командир батареи и его солдаты стали подтаскивать противотанковые пушки по лесистой местности поближе к русскому танку на дистанцию эффективной стрельбы.

Советский КВ был неподвижен, и многие из офицеров и солдат делали ставки на то, что экипаж давно уже оставил свой танк, потому что находиться в такой позиции было нелогичным и глупым с точки зрения солдат вермахта.

И вот вся батарея Венгенрота застыла на своих позициях и начала кинжальный безжалостный расстрел русского танка. Последовало более восьми прямых попаданий в русский КВ! Офицеры и солдаты рядом с Раусом ликовали, полагая, что с советским танком покончено раз и навсегда!

Вспышки огня то и дело мелькали на КВ, отмечая прямые попадания немецкой противотанковой батареи.

Внезапно Раус содрогнулся: башня русского танка развернулась и, найдя свои цели, открыла огонь из танковой пушки, планомерно уничтожая противотанковую батарею.

– Василий! – командовал командир русского танка, – Цели видишь?

– Вижу, командир, хорошо вижу! – отвечал наводчик орудия, – Сейчас я их сделаю красиво!

– Давай, родной мой, давай! – кричал командир, – Огонь без команды, бей гадов!

Башня танка разворачивалась, и с каждым её поворотом семидесяти шести миллиметровое орудие танка, нащупав цель, выплёвывало огонь по немецким пушкарям.

Вот уже первая пушка врага уничтожена, вторая! Танк вёл бой один в полном вражеском окружении и не думал сдаваться!

Накрыв огнём третью и четвертую пушки врага, танк победоносно замолчал.

– Ребята, спасибо! – по громкой связи раздался голос командира, – Родина не забудет вас! Объявляю вам благодарность за уничтожение врага!

– Служим Советскому Союзу! – дрогнувшими чуть-чуть голосами дружно ответил экипаж.

Одинокий танк держал свою оборону!

Немцы были потрясены! Полковник Раус видел, какое разочарование охватило его офицеров и солдат после показательного уничтожения русским танком немецкой противотанковой батареи. Быстро взяв себя в руки, полковник дал команду немедленно доставить на позицию с целью уничтожения не сдающегося советского КВ, восьмидесяти восьми миллиметровые зенитные орудия с бронебойными снарядами. Приказ Рауса был немедленно

исполнен. И вот, уже немецкая длинноствольная зенитка с осторожностью лисы подкрадывалась к русскому танку, стремясь поразить его.

Но не только глаза Рауса и солдат вермахта следили за передвижением зенитки, за ней пристально следил и экипаж притихшего КВ.

– Спокойно, Вася, – подбадривал наводчика орудия его командир, смотря за приближением немецкой зенитки, – подпускаем её поближе, пока движется, она нам не страшна!

– Вижу, командир, – отозвался Ранцев, – вижу, как только встанут, стреляю!

Приняв решение, немецкие зенитчики остановились и лихорадочно стали приводить свое орудие в боевое положение для поражения русского танка.

– Огонь! – коротко скомандовал командир.

Советский КВ развернул башню и, поймав цель, выплюнул раскалённый снаряд, первым в этой дуэли попав во вражеских пушкарей.

– Огонь! – продолжал командовать командир, – По немецким гадам – огонь!

Не переставая, работала танковая пушка, уничтожая врага. Уничтоженная зенитка, беспомощно завалилась в канаву, беспощадный пулемётный огонь из всех танковых Дегтярёвых уничтожал остатки зенитного расчёта врага!

Уничтожив вражеское орудие и его расчёт, русский танк замолчал, грозно перекрывая дорогу и лишая немцев надежды на молниеносный блиц-криг, на быструю победу.

Полковник Раус озадаченно нахмурился: странные русские, таким даже не предложишь сдаться, эти точно в плен не пойдут, не купишь их ни рейхсмаркой, ни заграничной едой. Вероятно, можно было купить самых худших из русских, и то, со временем. Но тех, настоящих воинов, которые сейчас дрались в этом танке, подкупить было невозможно, ибо бились они за самое святое, что имели – свою Родину.

Но что всё-таки было делать с этим танком, надёжно перекрывшим единственный путь снабжения и наступления всей немецкой группировки вермахта?!

Быстро вечерело. С наступлением сумерек Раус точно понял, что докладывать генерал-полковнику Гёпнеру ему не о чем.

Поэтому он приказал лейтенанту Гебхардту вызвать двенадцать добровольцев – сапёров, и уничтожить танк путём его подрыва.

Наступила ночь двадцать пятое июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Солдаты-сапёры вермахта, воспользовавшись ночью, незаметно установили подрывные заряды на танке и подожгли бигфордов шнур.

В ночи раздались хлопки взрывов.

Не успел полковник Раус порадоваться смелости своих солдат, как ожили пулемёты танка, разрывая ночную темноту вспышками длинных очередей.

С каждым выстрелом у Рауса таяла надежда, что его подчинённым удастся разблокировать дорогу.

Ночь была светлой, как и любая тёплая летняя июньская ночь. Как-то незаметно для всех, бойцы попали в объятия Морфея. Вскоре экипаж танка был разбужен хлопками взрывов, заметно тряхнувших танк.

– Да, командир, кемарнули чуток, и фрицев проспали, – посмотрел на ротного лейтенанта Габинский, – немцы не успокаиваются, судя по всему, гусеницы нам рвут.

– Ничего, Яков, – улыбнулся старший лейтенант, – в нашем КВ мы как у Христа за пазухой. А впрочем, из всех пулемётов – огонь!

– Так ведь не видно никого! – удивился Василий, – В белый свет, как в копеечку, пулять?

– Всем пулемётчикам – огонь! – командовал командир, и объяснил, – Отпугнуть-то фрицев надо, а то ещё гранат нам насуют, а нам таких гостинцев не надо!

Ожили все три танковых пулемёта Дегтярёва, отпугивая немецких взрывников. Поработав несколько минут, пулемёты презрительно замолчали.

– Кстати, – поинтересовался командир, – Яков, вы откуда родом?

– Из-под Винницы я, Иван Захарович, оттуда весь род мой.

– А ты откуда, Василий Петрович, – обратился к Ранцеву его ротный.

– Ленинградец я, – был краток наводчик орудия, – а вы, Иван Захарович, откуда?

– Из-под Житомира я, – проинформировал всех Трященко, – ох, и красивые места у нас, ребята! Одна охота чего стоит, а рыбалка! Вы представляете, как здорово сидеть на нашем прудике, там такие караси и карпы! Победим врага, всех почту за честь пригласить к себе за праздничный стол. А ты родом откуда, Паша?

– Из Пскова я, у нас тоже очень красивый и древний город.

– Земеля, – заулыбались Смирнов и Широков, – и мы псковские, вот ведь как людей война сводит, а раньше и не встречались в родном городе.

– Иван Захарович, – вопросительно посмотрел на командира Василий, – извините меня за то, что я спрошу, но если окажется так, что помощь к нам опоздает и будет суждено судьбой нам всем здесь погибнуть, о ком вы вспомните в последнюю минуту?

– О маме, – грустно улыбнулся старший лейтенант, – правда нет её с нами, давно уже Богу душу отдала, а вот что-то вспомнилась она мне сегодня, и даже приснилась...

– А я жену вспоминаю, – вмешался в разговор моторист Широков, – ох, и красива же она у меня! Когда по улице идёт, все мужики на неё глазеют!

– А у меня невеста Настя, – грустно как-то сказал Василий, – и если наши не успеют, боюсь, что она так и не станет моей женой...

– Успеют наши, – ободрил лейтенанта Трященко, – должны успеть!

– Командир, – понимающе посмотрел на старшего лейтенанта наводчик орудия, – ты помнишь про спартанцев, которые дрались с врагом при Фермопилах и потрясли мир своим подвигом?

– Помню, – задумчиво так посмотрел на Ранцева командир танка, – не сдались они тогда, хотя враг и превосходил их многократно!

– Вот и мы не сдадимся! – глянул на них Габинский. – Как и они когда то...

– В этом даже не сомневайтесь, – коротко улыбнулся командир и выразительно как-то замолчал.

– Эх, покурить бы, – мечтательно произнёс Павел, – хотя бы махорочки.

– Да и я бы от папироски не отказался, – поддержал его Яков, и покосился на командира, – знаю, знаю, Иван Захарович, нельзя, но уж больно хочется!

– Эх, ребята, – вздохнул Николай Широков, – вы всё о куреве, как заяц о табаке, а я вот дочку свою вспоминаю, красавица она у меня, вся в жену!

После чего весь экипаж задумчиво замолчал. Танкисты думали о своём, только им близком, родном и понятном.

Каждый встречал четвёртое утро войны по-своему, и немцы и русские, потому как, и война была у каждого своя.

– Экипаж, – в танке раздался голос командира, – утро наступило, как настрой?

– Боевой, командир, – отозвался его экипаж, – будем бить врага и дальше!

– Эх, выйти бы да осмотреться, – вздохнул механик-водитель, – что там ночью немчура навзрывала, да и люк хорошо бы открыть, проветрить, а то духота и жарница страшная! Да нельзя, вон сколько фрицев за кустами мелькает, да и снайпера поди на мушке нас держат...

– В этом даже не сомневайся, – подтвердил командир, – рассвело уже, скоро полезут, отстоим матушку Россию, Родину нашу!

– Отстоим, командир, – улыбнулся Ранцев, – за наших любимых, за жизнь на земле, всё сдюжим, всё вытерпим, командир!

Экипаж танка улыбался.

Утром полковник Раус, получив заслуженную взбучку от генерал-полковника Гёпнера за то, что до сих пор не разблокирована дорога Расейняй-Шилува, принял решение вызвать авиацию на подавление советского танка, который и не думал выбрасывать белый флаг и сдаваться.

Прилетевшей парой пикировщиков «Юнкерс-87» были сброшены авиабомбы на танк, которые оставляли на земле глубокие воронки и били танк осколками.

Но видимо и вчера, и сегодня Бог был на стороне русских и, хранимый неведомым русским Богом, танк устоял и на этот раз!

Бомбёжка не принесла никаких результатов! Проклятый танк был неуязвим и поблёскивал на солнце своей несокрушимой стальной мощью!

Раус прекрасно понимал, что если он не уничтожит танк, генерал Гёпнер лично сорвёт с него погоны, и это правильно, потому что планы всей дивизии вермахта трещали по швам из-за этого треклятого танка!

Война против этого русского танка превратилась в личную войну и вендетту полковника Рауса, и уже выходила за всякие рамки, и была похожа на какую-то чудовищную фантасмагорию.

Поэтому Раус вызвал к себе майора Шенка и приказал ему бросить против русских весь 65-й танковый батальон!

– Господин полковник! – удивился майор Шенк, – Но разве это возможно?! Чтобы целый батальон дрался с одним единственным танком! Это не по-рыцарски и не правилам войны! У меня в батальоне до пятидесяти боевых машин, их всех бросить против одного танка?!

– Да, господин майор, – внезапно разозлился полковник Раус, – все до единой бросить на этот русский танк! Более того, под прикрытием атаки вашего батальона, мы скрытно подведём зенитное восьмидесяти восьми миллиметровое орудие и в упор расстреляем русских! От вас, Шенк, зависит успех этой маленькой битвы, и забудьте в этой войне про какое-либо рыцарство, извольте исполнять!

Майор Шенк, коротко отдав армейское приветствие войскам вермахта, удалился к своим танкистам подготавливать атаку на этого русского исполина.

Дневное солнце припекало и над затихшим танком то и дело пролетали по своим неотложным делам лесные пичужки, показывая, что жизнь продолжается и, несмотря на любой исход этого боя, она будет продолжаться вновь и вновь, даря жителям Земли самое главное право – право на жизнь!

– Что, ребята, – раздался в танке голос командира, – не приуныли ли вы, как настроение?

– Боевое, командир, – за всех ответил лейтенант Ранцев, – били и будем бить врага! Даже мёртвые! Ничто нас не остановит! Наш дух не будет сломлен!

– Спасибо, родные вы мои, – коротко отозвался командир, незаметно стирая набежавшую слезу, – мы ещё повоюем!

– Командир, танки противника! – крикнул Василий, – Окружают!

Опушку леса заполонили танки «Панзер-35» из батальона майора Шенка, все пятьдесят, которые расползаясь по всем сторонам, принялись расстреливать русский танк.

Башня советского КВ завертелась.

Находя попадающие на прицел юркие и вёрткие немецкие танки, Ранцев выкрикивал, поджигая оккупантов, одного за другим: – Командир! А мы делаем их красиво!

Впрочем, силы были явно неравны.

В полном окружении и одиночестве русский танк дрался с целым немецким танковым батальоном!

В это время, по предательски тихо и незаметно, к нему подкрадывалось крупнокалиберное зенитное немецкое орудие.

Полковник Раус с высоты своего командного пункта наблюдал последний финал грандиозной битвы одного единственного танка против целого танкового батальона вермахта!

Как он и предполагал, в азарте уничтожения немецких «Панзер», русские не заметили зенитку, которая заняла ту же огневую позицию, где ранее находилась уничтоженная немецкая зенитная пушка.

Зенитное орудие произвело с близкого расстояния подряд семь выстрелов, которые уверенно поразили нестигаемый советский танк.

Раус видел, что все выстрелы, выпущенные едва ли не в упор, достигли своей цели. Пушка КВ беспомощно поднялась вверх, словно прося помощи у кого-то, которая так и не пришла. Но даже мёртвый, танк продолжал стоять в центре дороги, блокируя её!

Полковник Раус с офицерами и солдатами подошёл к грозной машине русских, в башне которой были видны несколько небольших пробоин.

Вдруг, башня КВ вздрогнула, и ствол орудия мёртвого танка стал двигаться! Солдаты и офицеры бросились врассыпную, лишь один солдат не растерялся и бросил гранату к пробоине, сделанной снарядом зенитки в нижней части башни. Прогредел взрыв такой силы, что даже крышка танкового люка отлетела в сторону.

Только солдаты вермахта попытались вновь приблизиться к героическому танку, как оттуда зазвучали выстрелы из командирского «ГТ».

– Огнёмёты! – жёстко приказал полковник Раус, – Сжечь этот непокорный экипаж!

Отделение огнемётчиков привычно приступило к своей работе.

Русский танк полыхнул, горя как неприступная крепость, которую враг так и не смог покорить. Пламя плясало на башне КВ, разбрызгивая вокруг огненные брызги.

Незаметно как-то к погибающему танку подошёл генерал-полковник Гёпнер в окружении своей свиты, и неодобрительно посмотрел на Рауса.

Но что это?

Раус недоверчиво переглянулся с Гёпнером и своими офицерами.

Что это?!!

Из горящего русского танка, чуть слышно, раздались звуки песни, от которых шёл мороз по коже. Голоса умирающих советских воинов на одной тонкой хриплой и одновременно пронзительной, надрывной волне рождали слова песни:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдаётся наш гордый Варяг,
Пощады никто не желает!

Полковник, бледнея, посмотрел по сторонам. Кто-то из его офицеров и солдат, крестясь, сняли каски и головные уборы, кто-то из офицеров, не скрываясь, отдавал воинскую честь умирающему, но не сломленному экипажу русского танка!

– Это уже не война, – прошептал потрясённый полковник, злые слёзы бежали по его щекам.

Отдавая воинскую честь горящему танку вслед за Гёпнером, полковник Раус повторял: – Это уже не война, и если у России есть ещё такие же солдаты, война нами проиграна, даже не успев начаться!

Солнце, одинаковое для всех, ласково светило на погибший, но не сдавшийся экипаж бессмертного танка.

Такое же солнце было сейчас, в сорок первом, но такое же именно солнце будет и в сорок пятом, годе победы, который приблизил, пусть даже не увидев его, наш героический **БЕССМЕРТНЫЙ ЭКИПАЖ!**

Вечная слава погибшим за свободу и независимость нашей Родины!!!

Пассат

Основан на реальных событиях

Никто не забыт, ничто не забыто!

*Бессмертному подвигу флотского экипажа СКР-22 «Пассат»
посвящается*

Над морем Баренца дождливой неприступной стеной стоял густой туман.

– Ох, – выдохнул командир небольшого рыбацкого судёнышка, осторожно пробирающегося сквозь густой туман, – воистину, сам бог нам в помощь с этим туманом!

Впрочем, каким-либо гражданским пароходом или теплоходом данный корабль можно было назвать с натяжкой. По виду, да, обычный рыбацкий траулер с бортовым номером «СКР-22» и стандартным для морского ветра названием «Пассат». Много таких кораблей бороздят бескрайние морские просторы, добывая треску и прочую рыбёшку.

Правда, вот, ошетинился данный траулер своим, хоть и слабеньким, но всё-таки вооружением: на носу и на корме корабля стояли, грозно поблёскивая, 45-миллиметровые пушки, за которыми находились два 7,62-миллиметровые пулемёта, что и выдавало в этом бывшем гражданском рыбацком траулере сторожевой корабль.

Да и время, скажем, было военное, потому что на календаре было именно 13 июля 1941 года. Вот поэтому-то и пробирался по шумевшему небольшой пенной волной Баренцеву морю сквозь ночной туман наш сторожевик, ведя под своей охраной два гражданских рыбацких траулера – «РТ-67» и «РТ-32» с понтонами на буксире.

Впрочем, вскоре ночной туман вместе с морозящим дождём исчез, словно бы его и не было, и на горизонте робко показалось раннее утро.

– Да, погодка поменялась, – подойдя к командиру «Пассата», старшему лейтенанту Окуневичу, изрёк простенькую истину командир БЧ-2 лейтенант Пивоваров, – как вы думаете, Владимир Лаврентьевич, проскочим незаметно?

– Проскочим, Анатолий Владимирович, – невозмутимо посмотрел на лейтенанта командир Окуневич, – обязательно проскочим!

В это время сторожевик со своим небольшим конвоем, к слову сказать, следовавший из Кольского залива в Иоканьгу, находился уже в районе острова Харлов.

– Командир! – прервал их короткий диалог комендор кормового орудия Моцель, – вражеский самолёт!

Действительно, над их конвоем на низкой высоте пролетел самолёт-разведчик люфтваффе.

– Ох, неспроста это, командир, – вздохнул комендор, – неспроста...

– Эх, Борис Никитович, не было печали, так немцы налетали! – грустно пошутил старший лейтенант Окуневич, посмотрев на Моцеля, и скомандовал. – Моряки! Усилить наблюдение!

Да, неспроста летал этот самолёт-разведчик, неспроста...

Как знать было военморам, что именно этот разведчик и был придан к морскому отряду новейших немецких эсминцев кригсмарине типа «Редер» 6-й флотилии эскадренных миноносцев Германии в составе пяти боевых кораблей, которые производили поиск в данном районе с целью уничтожения советских морских конвоев и боевых кораблей противника.

Получив сообщение от своего воздушного разведчика «Юнкерс-88» об обнаруженном им морском конвое русских, командир немецких эсминцев типа «Редер» Альфред Шемель, находившийся на борту лидер-эсминца «Ганс Лоди» Z-16, обратился к экипажам своих кораблей: – Господа! Сама судьба нам посылает такие лёгкие цели, выходим на указанный курс! Ганс, после того как я дам небольшую взбучку этим русским рыбакам, с меня шнапс!

– Согласен, Альфред, – отозвался командир одного из эсминцев, – судя по всему, боя не будет, русские сдадутся, только увидев нас! На это я ставлю ящик бургундского!

С этими словами, словно разбойничья ватага, ищущая для себя лёгкой наживы, «Редеры», все пять, по-волчьи устремились к небольшому советскому морскому конвою. Альфред Шемель горделиво осмотрел свою маленькую эскадру: на каждом из пяти его эсминцев находились по 325 моряков, при этом каждый корабль был вооружён пятью 127-миллиметровыми морскими орудиями и двумя спаренными 37-миллиметровыми зенитками, 14 малокалиберными 20-миллиметровыми зенитками, не считая торпедных аппаратов и устройств для минозаграждения.

И такая армада против трёх жалких рыбацких судёнышков русских!

Шемель усмехнулся: – Да эти русские и минуты не продержатся, как попросят пощады и поднимут белый флаг!

Немец посмотрел на часы: около трёх утра, пора начинать.

Над Баренцевым морем лениво летали морские чайки, поющие свои однообразные печальные песни.

– Командир! – внимание Окуневича привлёк краснофлотец-радист Марьин. – Вражеские корабли!

– Вижу, Алексей Петрович, – нахмурился старший лейтенант, смотря на идущие к ним на всей скорости эсминцы противника, – вот они, на расстоянии 25 кабельтовых от нас!

– Передают, командир! – озабоченно посмотрел радист на старлея. – Нам передают, сдавайтесь, мол, деваться вам некуда, предлагают почётный плен!

– Знаешь что, – задумчиво нахмурился Окуневич, – и ты им передай...

– Что передать, командир, – спросил моряк, – что?

– А пошли-ка их куда подальше, Алексей Петрович, – усмехнулся старший лейтенант, – да по-нашему, по-морскому, позабористей! Чтобы, значит, сразу поняли, что не годится их предложение нам!

– Понял, командир, – ответно улыбнулся Марьин, – передаю...

– Ну и что отвечают? – улыбнулся командир корабля. – Как понравился гансикам наш ответ?

– Замолчала немчура, – презрительно усмехнулся радист, – видимо, поняли, что среди нас нет продажных шкур!

– Вот и хорошо, что поняли! – ответил Окуневич и попросил радиста. – Так, Лёша, радиogramму срочно в штаб флота! Докладывай обстановку и срочно запрашивай помощь!

Радист привычно исполнял свою работу.

– Так! – продолжал отдавать приказы командир русского сторожевика. – Передать нашим судам конвоя: немедленно укрыться в ближайшей бухте вплоть до того, чтобы выброститься на отмель! Я принимаю бой!

– Товарищ командир, Владимир Лаврентьевич, – посмотрел на него радист, – радиogramма из штаба флота!

– Что передают? – был краток командир.

– Как всегда, держитесь! – улыбнулся печально как-то моряк. – Помощь идёт, к нам направляются пять миноносцев и 24 самолёта!

– Поспееет ли помощь? – словно бы сам себя спросил командир и приказал. – Корабль, к бою! Поставить дымовую завесу! Полный вперёд на врага!

С этими словами командир вышел из рубки и, смотря на приближающиеся эсминцы противника, стал потарапливать своих морячков, готовя сторожевик к неизбежному и неравному бою.

Тем временем суда конвоя «РТ-67» и «РТ-32», воспользовавшись поставленной «Пассатом» дымовой защитой, стали на полном ходу идти на берег.

– Огонь! – скомандовал командир немецкого лидер-эсминца «Ганс Лоди» Альфред Шемель, разгадав нехитрый манёвр русских. – Утопить эти рыбацкие лоханки!

Орудия и крупнокалиберные зенитки эсминцев кригсмарине «Редер» открыли беспощадный артиллерийский и зенитный огонь, расстреливая из всех своих калибров беззащитные корабли русских.

Море закипело от множества разящих осколков и пуль.

Но и русский сторожевик «Пассат», отважно идущий на корабли немцев, открыл огонь по врагу из всего, что имел: двух малокалиберных пушек и двух пулемётов.

Но схватка была чересчур неравной!

Практически в полном вражеском окружении и одиночестве вчерашний советский «рыбак» дрался против пяти новейших эскадренных миноносцев врага!

На расстоянии менее 10 кабельтовых, немецко-фашистские корабли беспощадно расстреляли «РТ-67», не успевший подойти к берегу, на добивание пустив в него торпеду. В то время как «РТ-32» успел-таки приткнуться к спасительному берегу бухты Гавриловская и спастись.

Спасая экипаж гибнущего «РТ-67», моряки которого на шлюпках отходили к берегу и пели «Интернационал» под огнём врага, внезапно героический сторожевик «Пассат» закрыл собой уничтожаемый экипаж русских рыбаков, принимая весь вражеский огонь на себя!

Огонь из всех пушек и зениток врага был страшен! Получив огромное количество прямых попаданий, отважный «Пассат», подобно «Варягу», стал медленно тонуть, погружаясь

в холодные северные пучины Баренцева моря, отражая в воде, как в зеркале, пламя бушевавшего на корабле огромного огненного костра.

– Моряки! – возвысил свой голос командир, находясь с командором носового орудия. – Не сдадимся врагу и не посрамям честь русского флота!

Неожиданно как-то дружно, даже погибая, героический экипаж «Пассата», перебивая шум артиллерийской канонады, захлёстываемый подступающей забортной морской водой, запел «Интернационал», который сливался с этим же Гимном, звучащим на шлюпках моряков экипажа «РТ-67».

Вода у погибающего и не сдающегося «Пассата» буквально пенилась и кипела от множества прямых попаданий вражеских орудий и зениток.

Но и принимая на себя весь удар эсминцев врага, горящий ярким пламенем негнбимый сторожевик и не думал сдаваться!

Его носовая и кормовая пушки и пулемёты, объятые пламенем, били врага, даже когда их захлёстывала из всех пробоев холодная северная морская волна.

– Врешь, не возьмешь! – кричал комендор кормового орудия Моцель, отстреливая последние, пусть и малокалиберные снаряды по кораблям врага, не обращая внимания на морскую воду, заливавшую его горящие ноги. – Русские моряки не сдаются!

Немцы были потрясены подвигом советского сторожевика!

– Прекратить огонь! – приказал ошеломлённый командир 6-й флотилии эсминцев Альфред Шемель, незаметно стирая набежавшую слезу, глядя на уходящий под воду и развевающийся на гафеле русского корабля непокорённый советский флаг и видя, как на корме русского сторожевика, уходящего под воду, всё ещё жила, не желая умирать, и упрямо стреляла по ним последняя русская пушка. – Экипажам снять головные уборы!

Отдавая воинскую честь вместе с офицерами своих кораблей героическому флотскому экипажу русского сторожевика, командир эсминцев приказал пройти рядом с местом гибели советских моряков, осматривая море средствами наружного наблюдения, с тем, чтобы обнаружить уцелевших героев русского сторожевика.

Но только морские чайки в грустном одиночестве кружили над местом трагедии и бессмертного подвига и пели свои однообразные печальные песни.

Барс

Основан на реальных событиях

Героям-пограничникам, их близким и их верным служебным собакам посвящается

То, что его звали именно Барс, а не Барсик, как шутили некоторые пограничники, он знал точно. Вот и сейчас большая восточно-европейская овчарка вопросительно посмотрела на своего хозяина, лейтенанта-пограничника Красной Армии Ивана Нестерова, стоящего перед ним на дрессировочной площадке.

– Барс, ко мне! – позвал к себе овчарку её хозяин.

Умный пёс, подбежав, сев, вопросительно заглядывал в глаза своему командиру.

Как же, Барс считал себя составной частью всего того, что сейчас бегало, ползало и лаяло на площадке для тренировки служебно-розыскных собак. Также и он, повинувшись командам своего проводника, бегал, полз, задерживал неуклюжих учебных нарушителей, в общем, был как все служебные собаки их пограничного отряда в пригороде небольшого города Брест. Рядом с ним бегала, также старательно выполняя команды своего проводника-кинолога, его сослуживица Вирта, изредка поглядывая на него своим зазывным взглядом.

– Ух, – озабоченно подумал Барс, – ну и загонял ты меня, хозяин, дай отдохнуть, не видишь, как жарко! А ты, Вирта, не смотри на меня, не заигрывай, не видишь – я на службе!

В самом деле, на календаре значилось 21 июня 1941 года.

– Устал, Барс? – понимающе спросил и посмотрел на свою собаку Нестеров и сжался, – отдыхай, пойдём до речки дойдём, искупаемся, действительно, что-то жарко сегодня.

Услышав волшебное слово «речка», сообразительный пёс восторженно и с любовью посмотрел на своего хозяина. Не торопясь, они дошли до небольшой местной речки, где с наслаждением окунулись в прохладные чистые воды реки Мухавец. Радуюсь, большая овчарка бегала по воде и, поднимая миллионы водных брызг, прыгала на хозяина, обдавая его чистой речной водой.

– Молодец, Барс, – хвалил его лейтенант и бросал в воду палочку, – апорт, Барс, апорт! Принеси!

Хитрющая собака посматривала на своего хозяина, и весь её вид выражал встречное предложение, мол, не сплавать ли за этой палкой тебе, хозяин, самому, коли она так понравилась тебе! Но служба есть служба! Поэтому, проявляя свою сознательность и дисциплинированность, Барс, плывя, хватал зубами уплывающую на быстром течении палку и возвращался на берег, где, встряхиваясь, подбегал к своему проводнику и отдавал ему палку, бережно и осторожно, как самый дорогой трофей.

В знак благодарности его проводник почесал за ушком собаки. Овчарка с вопросом посмотрела на него. Нестеров улыбнулся и, взяв служебную сумку, волшебным жестом фокусника достал оттуда сухарик и молча подал своей пограничной собаке. В одно мгновение пёс расправился с предложенным ему подарком и посмотрел на лейтенанта, словно бы ожидая «продолжения банкета».

– Ну что, соба, – как-то по-новому назвал своего мохнатого друга пограничник, – пойдём домой.

Послушная собака пошла со своим хозяином. Навстречу им по полевой тропинке шла его хозяйка, её запахи Барс узнал издали, но, как и полагается суровым служебным собакам, заранее вида не подал, лишь виляющий по-предательски хвост выдавал его нежные чувства.

– А, Лида, – встретившись, Нестеров поцеловал свою молодую супругу, – мы вот с Барсом с реки идём, искупались немного.

– Привет, Барсик, привет, – нежно гладила его за ушком хозяйка, в самом деле, как молодого котика, – приходи домой, угощу вкусненьким!

Ну, на Барсика пёс, конечно же, не обиделся, но на приглашение придти в гости на вкусненькое встрепенулся и радостно посмотрел на Лидию, разве что не замурлыкал, как настоящий домашний кот.

Надо сказать, что как и все собаки их пограничного отряда, Барс состоял на службе у государства, и поэтому он не мог иметь свой дом, за исключением служебного вольерного помещения в собачьем питомнике, но...

Лейтенант Нестеров баловал своего питомца, и частенько его пёс бывал у него дома, где вкушал различные вкусности, и поэтому справедливо считал дом Нестерова своим домом, а его жену – своей хозяйкой. Ведь должна же быть у него, такого умного и сообразительного пса, своя семья и свой дом! Должна!

Вот и сегодня лейтенант Нестеров побаловал своего питомца и привёл его в их общий дом, где его хозяйка на вечер пожарила вкусные котлеты, распространяющие всюду божеественный аромат, и угостила парой котлет его, верного пса. Ночью собаке снились необыкновенно красивые цветные и красочные сны. Но утреннее пробуждение у Барса было неприятным. Дом его хозяина сильно встряхнуло, с потолка и стен посыпалась штукатурка, и сильный свистящий звук постоянно доносился откуда-то сверху, заставляя затем вздрагивать землю и их дом.

– Война! – вмиг посерел лицом его проснувшийся хозяин.

Быстро одевшись и поцеловав свою жену на прощание, Нестеров с верным псом поспешил из дома к заставе по их разбитому, разбомблённому военному городку.

Прибежав на разгромленную налётом вражеских самолётов заставу, лейтенант стал налаживать оборону против наступающего врага вместо убитого начальника заставы.

– Бойцы, к бою! – командовал его хозяин, и верная собака грустно смотрела на Нестерова, понимая, что, вероятно, случилось что-то страшное и необъяснимое.

– К бою! – не успокаивался его хозяин. – Занять оборону!

Так получилось, что в их укрепленном районе погранзаставы с мощным дзотом во главе и оказался Барс со своим хозяином и несколькими чудом уцелевшими пограничниками с их служебно-розыскными собаками.

Навстречу им шли, нагло преодолев государственную границу СССР, множество нарушителей, это Барс видел четко, и, видимо, не совсем учебных, потому что в руках у них были автоматы, сухо отстреливающие вокруг себя веер смертоносных пуль.

– Барс, за мной! – коротко командовал его хозяин, и они побежали к грозно возвышающемуся дзоту, где его хозяин занял место у пулемёта.

Скомандовав своим бойцам вести огонь на поражение наступающего врага, лейтенант Нестеров открыл огонь из пулемёта. Овчарка смотрела на своего хозяина, который бил неведомого врага из пулемёта, гром выстрелов закладывал уши, и запах пороховой гари тревожил тонкое обоняние собаки.

Шёл яростный бой, и пограничникам даже удалось потеснить превосходящие силы противника. Как вдруг случилось то, что частенько происходит на войне. Враг бросил на поддержку своей выдохшейся пехоте подразделения танков и огнемётчиков.

подавляя огневые точки пограничников, державшихся до последнего, немецкие танки «Панзер» уверенно ползли к всё ещё огрызающемуся длинными пулемётными очередями дзоту. Вслед за ними шли огнемётчики вермахта, выжигая длинными огненными языками всё вокруг себя.

Горели живые и мёртвые, горела трава и камни на земле!

Нестерову поступило сообщение от бойцов, что кончились гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

– Ну что, Барс, – пылливо посмотрел на своего мохнатого друга Нестеров, – послужим Родине и в последний раз, согласен?

Пёс с любовью смотрел на хозяина, выражая своими собачьими движениями то, что невозможно было выразить на языке или каком-либо наречии, которого, как известно, лишена собака. С этими словами Нестеров умело приладил к овчарке с обеих сторон и подвязал вещевые мешки, в которые щедро положил с десятков гранат и бутылок с зажигательной смесью.

– Потерпи, Барс, – с любовью и каким-то сожалением, незаметно стирая набежавшую слезу, сказал лейтенант, – ты знаешь где позиции, к окопам иди, Барс, к окопам!

Ещё раз потрепав свою собаку по её мохнатой голове, лейтенант вдруг неожиданно наклонился и поцеловал свою овчарку в её густую шевелюру светло-серой шерсти: – Беги, Барс, беги! Послужи мне и Родине в самый последний раз...

Ласково лизнув хозяина прямо в лицо и на прощание вильнув хвостом, и долго-долго посмотрев на лейтенанта умным взглядом своих карих глаз, овчарка выбежала из дзота, устремляясь к передовой линии заставы, где у бойцов к этому времени закончились не только гранаты, но и патроны.

Как в каком-то страшном сне, Барс увидел, как все оставшиеся в живых пограничники, пустив в атаку на врага всех своих служебных собак, ударили по неприятелю в свою последнюю отчаянную штыковую атаку.

Умная овчарка, а Барс считал себя именно умным, видела, как в последней яростной схватке его собратья, такие же овчарки, впивались во вражеских солдат, грызя и убивая их, видел, как танки и огнемётчики давили и расстреливали их вместе с пограничниками, поднывавшими в этот самый последний бой.

На поле боя появились вражеские мотоциклисты, которые, лениво объезжая трупы своих и чужих бойцов, добивали раненых короткими автоматными и пулемётными очередями. Барс ясно понял, что опоздал, и их пограничного подразделения, со всеми людьми и собаками, как такового, больше не существует.

Он обернулся на дзот. Нет, его хозяин всё ещё жив, вон как яростно стреляет его пулемёт, и большое количество погибших солдат противника валяются на подступах к нему.

Но что это?!

Собака увидела, как к дзоту, держа винтовку в руках, подбегает его хозяйка, и было видно, как она падает, раненая в ногу короткой прицельной очередью из вражеского автомата. В это же время, словно бы увидев лёгкую цель, немецкий танк с отделением огнемётчиков на борту устремился на упавшую раненую женщину.

Лязгая гусеницами, немецкий «Панзер» полз прямо на его хозяйку, которая, оперевшись на винтовку, встала и, не отходя ни на шаг, гордо и с презрением смотрела на свою подползавшую к ней смерть. Не мигнув и глазом, немецкие танкисты с каким-то особым удовольствием проехали по так и не отошедшей никуда в сторону русской женщине, перемалывая её всей своей фашистской многотонной машиной.

Проехав то место, где находилась русская девушка, немецкие огнемётчики залили её останки морем пылающего огня.

Из карих глаз пса, увидевших гибель своей хозяйки, вытекли незнакомые до сих пор капли скорби и боли.

Грозный служебный пёс плакал.

Всё происходило быстро, даже очень быстро.

Подъехав едва ли не в упор к до сих пор жившему своей пулемётной песней дзоту, немецкие огнемётчики своими огненными реками из всех огнемётов сжигали так долго достававший их пулемёт русских.

Дзот горел, так и не выбросив белое знамя поражения, и захлебнулся в своей последней огненной пулемётной очереди.

Немецкие танкисты и огнемётчики на борту радостно улыбались – враг разбит, их шнапс ждёт их!

Но что это?!!

Навстречу их грозному танку бросилась служебная овчарка русских, несущая на себе какие-то мешки. Немцы были в замешательстве. Открытый ими запоздалый пулемётный и автоматный огонь уже не мог остановить отважного пса, который бросился прямо под гусеницы наползающего танка!

Полыхнул взрыв чудовищной силы, разметавший на мелкие клочки танк и весь его экипаж, и отделение огнемётчиков на борту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.